

раго зависятъ родительные падежи. Это слово, по нашему мнѣнію, есть *что*, соотвѣтствующее Греческому *τι*: «аще ли *что* отъ тѣхъ самѣхъ прежереченыхъ». Все приведенное выраженіе вообще обнаруживаетъ самые ясные слѣды Византійскаго происхожденія и мы представляемъ его въ подлинникѣ въ слѣдующемъ видѣ: «εἰ δὲ τι ἀπὸ τοῦ αὐτοῦ (или просто τοῦ αὐτῶν) προεῖρημένον οὐ φολάξομεν, ἐγὼ μὲν, οἱ δὲ μετ' ἐμοῦ, καὶ ὅπ' ἐμέ» и т. д. Этимъ мы и заключимъ разсмотрѣніе Византійскаго вліянія на языкъ договоровъ въ синтаксическомъ отношеніи.

IV.

О византійскомъ вліяніи на отдѣльные слова и выраженія.

Здѣсь мы будемъ держаться принятаго уже нами правила — разсматривать сначала вступленіе и заключеніе договоровъ, а потомъ самыя статьи. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе выраженіе: «иже суть подъ рукою его», которое, по нашему мнѣнію, заключаетъ въ себѣ признаки Византійскаго происхожденія. Перечитывая все вступленіе въ Олеговомъ договорѣ, замѣчаемъ, что оно употребляется съ особенною точностію и какъ бы намѣренно-часто, для обозначенія власти Русскаго Великаго Князя и его отношеній къ подданнымъ. Такую строгую точность Греки особенно старались соблюдать относительно варварскихъ князей, унижая ихъ политическое значеніе и тѣмъ возвышая достоинство Имперіи. Изъ сочиненій Константина и другихъ Византійскихъ писателей видно, съ какою точностію Императоры опредѣляли свои отношенія къ сосѣднимъ владѣтельнымъ лицамъ, изъ которыхъ каждое, согласно съ своимъ политическимъ значеніемъ, имѣло свой титулъ, равно и Императорскій титулъ относительно каждаго изъ нихъ измѣнялъ свою фор-

му. Припомнимъ постановленія, которыми Константинъ стараетсяъ показать сыну необходимость особенной осторожности въ сношеніяхъ съ варварами. Притомъ Греки и Руссы въ первый разъ вступаютъ въ соотношенія этого рода, въ первый разъ принимаютъ на себя взаимныя письменныя обязательства. Ихъ взаимныя права и обязанности были доселѣ или вовсе не опредѣлены, или опредѣлены только отчасти, и то словесно, а потому требовалась особая терминологія, которая бы съ выгодною для Имперіи опредѣлила политическое значеніе Русскаго Князя. Съ этой точки зрѣнія мы смотримъ на нѣкоторые выраженія договоровъ и нашъ взглядъ служить новымъ подтвержденіемъ ихъ подлинности. Къ числу ихъ должно отнести и приведенное нами выраженіе: «иже суть подъ рукою его». Его неизмѣняемость, исключительность и на-мѣренно-частое повтореніе ¹⁾ наводятъ на мысль о его официальном значеніи, какъ бы указывающемъ на степень власти Олега по отношенію къ подданнымъ. Оно становится еще замѣчательнѣе, когда мы вникнемъ въ самую его сущность: 1) оно заключаетъ въ себѣ всѣ признаки *искусственности*. Это не есть прямое, обыкновенное, общеупотребительное выраженіе: метафора, въ немъ заключающаяся, рѣзко отзывается реторизмомъ и можетъ имѣть мѣсто только въ произведеніяхъ, писанныхъ возвышеннымъ слогомъ, съ реторическими украшеніями, каковы напр. произведенія современныхъ договорамъ Византійскихъ писателей. На оборотъ, такой искусственности

¹⁾ Не болѣе какъ на 15 строкахъ оно повторяется 4 раза, а именно: «мы... иже послани отъ Олга великаго Князя Русскаго, и отъ всѣхъ, *иже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ бояръ*»; чрезъ двѣ строки: «похотѣнемъ нашихъ Князь и по повелѣнію, и отъ всѣхъ, *иже суть подъ рукою его* сущихъ Руси»; далѣе: «и не вдадимъ, елико наше изволеніе быти отъ *сущихъ подъ рукою* нашихъ князь свѣтлыхъ, никакому же съблазну или винѣ»; наконецъ: «также и вы, Греци, да храните такуже любовь къ Княземъ свѣтлымъ нашимъ Рускымъ и къ всѣмъ, *иже суть подъ рукою свѣтлаго Князя нашего*».

всего менѣе можно ожидать въ дипломатическомъ актѣ, главное достоинство котораго — точность и строгая опредѣленность. Тѣмъ менѣе столь искусственное выраженіе, безъ особенной цѣли, могло быть принято за оффиціальное и повторяться почти черезъ каждыя три строки. Особенность его значенія подтверждается также 2) и неопредѣленностію заключающагося въ немъ смысла. Понятно, что выраженіемъ: «иже суть подъ рукою его», не обозначается строго ни степень власти, ни степень подчиненности, и оно можетъ быть прилагаемо ко всѣмъ лицамъ, находящимся въ нѣкоторой зависимости, подъ нѣкоторымъ вліяніемъ, а равно и въ безусловномъ подчиненіи отъ другаго лица. И то и другое обстоятельство невольно вызываетъ предположеніе о намѣренномъ внесеніи въ договоръ Олега этого выраженія его составителемъ. Постараемся, сколько возможно, опредѣлить его истинное происхожденіе. Что касается до нашихъ древнѣйшихъ памятниковъ, то можно съ увѣренностію сказать, что въ нихъ оно не было общепринятымъ, какъ того и должно ожидать, по причинѣ его искусственности, хотя изрѣдка и встрѣчаются сходныя съ нимъ выраженія въ родѣ слѣдующихъ: «вся бо зломысли его *вда Богъ подъ руку его*» (Лавр. 129). Еще рѣже можно встрѣтить рассматриваемое выраженіе въ правительственныхъ грамотахъ, всегда отличающихся простотою, краткостію и строгою опредѣленностію выраженій. Совсѣмъ другое явленіе въ этомъ отношеніи представляютъ Византійскіе памятники ¹⁾. Употребленіе на Византійскомъ языкѣ совершенно соотвѣт-

¹⁾ Вообще понятіе руки играло на Византійскомъ языкѣ весьма важную роль въ обозначеніи власти и подчиненности. Обычай посредствомъ разнаго сложенія рукъ выражать покорность былъ въ употребленіи еще у древнихъ и получилъ только большее развитіе у Грековъ позднѣйшихъ. Рейске полагаютъ, что послѣдніе заимствовали этотъ обычай отъ Персовъ (Commentt. ad cerem. p. 608). Съ большею подробностію рассуждаетъ объ этомъ предметѣ Дюканжъ въ Gloss. Lat. подъ словомъ *manus*.

ствующаго нашему выраженію: «οἱ ὑπὸ χεῖρα» такъ часто, что мы почитаемъ излишнимъ приводить примѣры и ограничимся только указаніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, взятыхъ безъ всякаго выбора, напр. Theoph. p. 326. lin. 15. Theoph. Cont. I, 11, 42. lin. 23. p. 170. lin. 12. Georg. Mon. p. 888. lin. 16—17. p. 892. lin. 22. Const. de Cerem. p. 5, lin. 8 и пр. и пр. Въ одномъ мѣстѣ Кормчей читаемъ даже: «ὑπὸ τὰς τῶν νόμων χεῖρας γίνεσθαι», что въ старинномъ переводѣ выражено такъ: «подъ законныи рудѣ предану быти на казнь» ¹⁾. «Eo sensu, говорить Рейске, apud Nicephorum Patr. Cpt. et alios quoque occurrit ea dictio *sub manu alicujus esse*, notat in ejus potestate esse, obedire imperanti» ²⁾. Столь же часто встрѣчается выраженіе: «οἱ ὑπ' ἐμὲ, οἱ ὑπὸ σε, οἱ ὑπ' αὐτὸν», прямо соотвѣтствующія выраженію Святославова договора: «иже подо мною», или: «подъ Ольгомъ суще» (стр. 13). Такъ у Льва Діакона постоянно, въ сочиненіи de Velit. bell, I, p. 184. lin. 14, 192. lin. 8, 200. lin. 17 и т. д., въ переводѣ Кормчей безпрестанно. Также часто встрѣчается выраженіе: покорить, подчинить кого-либо себѣ, образованное съ помощію существительнаго χεῖρ, напр. «κραταιοτάτη χεῖρὶ τῇ τῶν Ῥωμαίων βασιλείᾳ ὑπὸ τῇ αὐτοῦ χεῖρᾳ ποιῆσαι καθυποσχόμενος» (Theoph. Cont. I. 57. lin. 11. Cf. ibd. p. 54. lin. 22 и др. ³⁾). Въ томъ же смыслѣ употребляется выраженіе: «ὑποχείριον ποιεῖν τινα» (Theoph. p. 663. lin. 19 и др.). Вообще прилагательное ὑποχείριος, по значенію своему, одинаково съ выраженіемъ: «ὁ ὑπὸ χεῖρα». «ὑποχείριοι, говоритъ Дюканжъ, famuli, subditi» и приводитъ слѣдующее весьма замѣчательное мѣсто изъ

¹⁾ Обзор. Корм. Кн. стр. 37. Срв. Прав. Соб. и Св. от. стр. 53, Прав. 8, стр. 83, Прав. 12 и пр.

²⁾ Comment. ad cerem. p. 9.

³⁾ Замѣчательно одно мѣсто у Θεοφана, гдѣ οἱ ὑπὸ χεῖρα противопоставляется τοῖς κρατοῦσι: «μεγάλου κακοῦ σημεῖον εἶναι τοῦτο τοῖς τε κρατοῦσι καὶ τοῖς ὑπὸ χεῖρα» p. 759. lin. 6. Сюда же относится выраженіе: ὑπ' αὐτὸν ποιεῖν. Прав. Соб. стр. 53. Прав. 8 и пр.

Алексіады Анны Комнены: «ὅστε λίξιον τοῦ σκήπτρου σου ἄνθρωπον, καὶ ἵνα σαφέστερον εἴποιμι καὶ φανερώτερον, οἰκέτην καὶ ὑποχείριον», и далѣе: «καὶ τῆς βασιλικῆς ῥάβδου δοῦλον εἶναι καὶ λίξιον ὑποχείριον». Такое господствующее присутствіе понятія *руки* въ обозначеніи власти, господства и подчиненности, такое буквальное сходство выраженія договоровъ съ Греческимъ, вмѣстѣ съ отсутствіемъ его въ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ, полагаемъ, могутъ служить достаточнымъ ручательствомъ за справедливость мнѣнія въ пользу Греческаго происхожденія, какъ выраженія: «иже суть подъ рукою его», такъ и сходныхъ съ нимъ: «иже подо мною, иже подъ Ольгомъ суще».

Обращая вниманіе на употребленіе Греч. οἱ ὑπὸ χεῖρα, замѣчаемъ, что оно весьма неопредѣленно и прилагается ко всѣмъ властямъ равно, чего нельзя сказать о другихъ однородныхъ, но болѣе опредѣленныхъ словахъ, напр. ὑπήκοος, subditus и т. п. На основаніи двухъ приведенныхъ примѣровъ, заимствованныхъ Дюканжемъ изъ Алексіады, можно бы было предположить, что въ выраженіи: «иже суть подъ рукою его» заключается понятіе, однородное съ понятіемъ о ленной зависимости, но такое предположеніе нуждается въ болѣе прочныхъ и многочисленныхъ доказательствахъ, которыхъ мы не имѣемъ. Эверсъ такъ опредѣляетъ отношенія князей, «иже суть подъ рукою великаго князя Рускаго». «Таковые князья повелѣвали своимъ народомъ совершенно какъ самовластные Государя, только они обязаны были платить дань Верховному Князю, покорившему ихъ своей власти и, вѣроятно, помогать ему въ военное время войскомъ. Далѣе сего непосредственное дѣйствіе Верховнаго Князя на покоренныя племена не простиралось» ¹⁾. Такая зависимость отлична отъ совершеннаго подданства, чѣмъ подтверждается упомянутая неопредѣленность разсмотрѣннаго выраженія.

¹⁾ Древн. Р. Пр. стр. 50.

Рядомъ съ этимъ выраженіемъ можетъ быть поставлено сходное съ нимъ: «аще *вдасть руцѣ* украдый». Если понятіе *руки* столь постоянно входило на Византійскомъ языкѣ для образованія понятія приобрѣтенія власти, самой власти, то и безъ доказательствъ можно съ увѣренностію полагать, что оно же участвовало и въ образованіи понятія *подчиненія, покоренія себя чьей либо власти*. Дѣйствительно, выраженія, подобныя слѣдующимъ: *διδούαι χεῖρας* (Nov. Niceph. Ph. I, p. 315, lin. 14), *βάλλειν ἑαυτὸν εἰς τὰς χεῖρας* (Comment. ad Cerem. p. 279), *παράδιδούαι εἰς χεῖρας* (Theoph. 274, lin. 10), равно какъ и противоположныя имъ: *χεῖρας τινι ἐπιβάλλειν* (Theoph. 326, lin. 15), *ἐπιτίθεσθαι* (Alexiad. I, 66, lin. 14), *χεῖρας ἀντάραι* (ibid. I, 68, lin. 5), *ἐπιφέρειν* (Basil. I, p. 14) и пр., встрѣчаются у Визант. писателей въ такомъ множествѣ, что тотчасъ можно бы было составить рѣшительное заключеніе о заимствованіи выраженія: «аще *вдасть руцѣ* украдый» изъ Византійскаго подлинника, если бы въ то же время древнѣйшіе наши памятники не представляли въ значительномъ количествѣ примѣровъ его употребленія ¹⁾. Должно полагать, что переводчикъ, передавая слова подлинника—*χεῖρας δίδούαι* или т. п., имѣлъ на своемъ языкѣ уже готовое для нихъ выраженіе, воспользовался имъ и буквально передалъ мысль.

Совершенно въ противоположномъ смыслѣ употребленъ въ Олеговомъ договорѣ глаголъ *приготовитъся*: «аще *приготовится*, татьбу творяѣ и убіенъ будетъ». Понятно, что употребленіе его, безъ особеннаго опредѣленія, въ смыслѣ: *обороняться, сопротивляться, принять видъ защищенія* (Эвер. Др. Рус. Пр., стр. 170), не при-

¹⁾ Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ Лавр. Лѣтописи: «вѣдавъ ему сынъ свой на руцѣ Игоря (9); подобаше намъ преданнымъ быти въ руки языку странну (95); а самы князи Богъ живы въ руцѣ дава (104); иде шюрину своему въ руцѣ (130); се Богъ вдалъ естъ князи Русскіѣ и полкы ихъ въ руцѣ наши (167); вда Богъ подъ руцѣ его» (184).

надлежить къ числу обыкновенныхъ. Понятіе *приготовленія* есть относительное, а потому не только на древнемъ, но и на современномъ языкѣ нуждается въ ближайшемъ опредѣленіи предмета приготовленія. Отсутствіе такого опредѣленія, какъ придающее особенное, частное значеніе глаголу, останавливаетъ на себѣ вниманіе и вызываетъ на сравненіе его употребленія въ древнемъ Русскомъ и Византійскомъ языкахъ. Первый, не представляя вовсе примѣровъ упомянутаго частнаго значенія глагола *приготовиться*, даже въ обыкновенномъ своемъ значеніи, большею частію замѣняется простымъ глаголомъ: *готовиться, готову быти*. На оборотъ на Византійскомъ языкѣ мы находимъ многочисленныя указанія на такое *особенное* употребленіе прямо соотвѣтствующаго нашему глагола: *παρασκευάζεσθαι*. Приведу здѣсь нѣсколько примѣровъ изъ множества: «τῶν δὲ πρὸς τὸν σὸν πόλεμον παρασκευαζομένων (velit. bell. XXI, 248, lin. 2); πρὸς μάχην παρασκευασθῆναι» (ibid. XXIII, 252, lin. 4). Слѣдующіе примѣры на употребленіе того же глагола безъ опредѣленія: «καὶ Βελισάριον ἐμπάρασκευον ἐκέλευσεν εἶναι, ὥς ἐν Λιβύῃ στρατηγήσοντα (Theoph. p. 291, lin. 11); οἱ δὲ βάρβαροι ἀπαρασκεύαστοι εὐρεθέντες εἰς φυγὴν ἐτράπησαν κραταίαν (ibid. pag. 298, lin. 16); καὶ ἀπαρασκεύαστον κυκλώσας τὴν πόλιν (Theoph. p. 624, lin. 8) и проч. ¹⁾. Такое значеніе глагола *παρασκευάζεσθαι*, какъ особенное, частное, и при томъ безъ ближайшаго опредѣленія, вполне совпадаетъ съ значеніемъ нашего глагола, а по-

¹⁾ Употребленіе глагола *παρασκευάζεσθαι* на Византійскомъ языкѣ весьма разнообразно. Такъ, встрѣчается въ значеніи *побуждать* (Франц. faire), напр. *παρασκεύασσε τὸν βασιλέα γράψαι* (Theoph. p. 137, lin. 18). Cf. vel. bell. XXI, p. 245, lin. 15 и пр.; въ значеніи *стараться*, напр. *εἰσπράξεις καὶ ἔνδον τῶν ἱερῶν γίνεσθαι μετὰ τοῦ πρέποντος παρασκευάσεις* (curabis). Basil. lib. VI, p. 162, cap. 28, ibid. lib. VI, p. 176 и пр.; въ значеніи *сдѣлать* (reddere, rendre), напр. *δόσπρακτον αὐτῷ τὸν Ἀττήλαν παρασκεύασαν* (reddiderunt). Excerpta e Prisci Historia de legationibus, p. 179, lin. 22.

тому послѣдній, безъ сомнѣнія, есть буквальный переводъ перваго. Нельзя не упомянуть здѣсь о другомъ глаголь — ἐνσκευάζεσθαι, въ опредѣленіи значенія котораго мы будемъ руководиться прекрасными замѣчаніями Газе, помѣщенными въ его толкованіяхъ на исторію Льва Діакона, по поводу слѣдующаго выраженія: «ἀρπάσωμεν τὸν καιρὸν, καὶ ὡς ἔχομεν τάχους ἐνσκευασάμενοι, τὴν ἐστεινομένην ὁδὸν παροδεύσωμεν» (VII, p. 131, lin. 5). Σκευή собственно означаетъ снарядь, одежда, украшеніе, откуда первое значеніе ἐνσκευάζεσθαι — снарядиться, устроиться, одѣться; за нимъ слѣдуютъ другія сходныя значенія и наконецъ весьма важное для насъ — *вооружиться, приготовитьсѣ къ бою* — *parati, assingi*, какъ у Льва Діакона (X, p. 161): «ὁ δὲ... ὡς εἶχεν ἐνσκευασάμενος ἦει πρὸς τὸ στρατοπέδον», т. е. *приготовивъ себя (къ бою), пошелъ къ лагерю*. Въ томъ же смыслѣ употребленъ глаголъ ἐνσκευάζεσθαι и на 171 стр. той же книги: «ἐνσκευασάμενος συνάμα τῇ στρατιᾷ τὴν ἐπὶ τὸ Βυζάντιον ἦει. Сказаннаго нами почитаемъ совершенно достаточнымъ для убѣжденія въ томъ, что выраженіе договора: «аще *приготовится*» представляетъ собою буквальный переводъ Греческаго идіотизма — εἰ δὲ *παρασκευάζεται* или ἐκ (ἐν)-*σκευάζεται*.

Въ договорѣ Олега князя, *сущіе подѣ рукою великаго князя*, называются *свѣтлыми* и самъ великій князь говорить о себѣ: «*наша свѣтлость*», а потому мы прежде всего обратимъ вниманіе на этотъ титулъ. Во всемъ вступленіи въ договоръ титулъ *свѣтлый* повторенъ четыре раза, изъ коихъ одинъ отнесенъ къ боярамъ, другой и третій — къ князьямъ и четвертый — къ князю, безъ сомнѣнія, тому, который въ самомъ началѣ договора названъ *великимъ*. Такое безразличіе въ употребленіи титула мы назвали бы неточностію, если бы нѣкоторыя соображенія не давали права предполагать, что *свѣтлые бояре* въ договорѣ равняются *свѣтлымъ князьямъ*.

Въ первомъ періодѣ Олегова договора, при перечи-

леніи Русскихъ властей, послѣ великаго князя видимъ *свѣтлыми бояръ*: «иже послани отъ Олга великаго князя Рускаго, и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ бояръ», между тѣмъ какъ въ остальныхъ мѣстахъ, гдѣ требовалось то же перечисленіе, вмѣсто *бояръ* постоянно видимъ *князей*: «да храните такую же любовь къ княземъ свѣтлымъ нашимъ Рускимъ и къ всѣмъ, иже суть подъ рукою свѣтлаго князя нашего». Наоборотъ, въ Игоревомъ договорѣ въ первомъ случаѣ употреблено слово *князь*, а во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ, въ томъ же самомъ смыслѣ, употреблено слово *бояринъ*: «мы... посланіи отъ Игоря великаго князя Рускаго, и отъ всякой *княжся*, и отъ всѣхъ людій Рускія земля», а черезъ двѣ строки: «и великій князь нашъ Игорь, и *бояре* его, и людье вси Рустіи послаша ны» и т. д. Въ Святославовомъ договорѣ неизмѣнно употребляются *бояре*. Ясно, что во всѣхъ этихъ выраженіяхъ упоминаются одни и тѣ же лица, что слѣдовательно *бояре* равняются *князьямъ* ¹⁾. Съ другой стороны тождество князей и бояръ подтверждается старинными переводами, въ которыхъ весьма часто ἄρχωνъ безразлично переводится и тѣмъ и другимъ словомъ, напр. «οὗ γὰρ βουλόμεθα τοιαύτας ὑποθέσεις γίνεσθαι τοῖς πολιτικοῖς ἄρχουσι — не хотимъ бо да увѣдать таковыи вины градьстїи *бояре*», а на слѣдующей страницѣ «καὶ δεκρήτου γενομένου παρὰ τῷ τῆς ἐπαρχίας ἄρχοντι» переведено: «и собравшемся у князя области тоя», и ниже «προνοία τοῦ θεοφιλεστάτου ἐπισκόπου καὶ τοῦ ἄρχοντος — промыслѣмъ боголюбиваго епископа и князя области тоя» ²⁾ и пр. Неоспоримымъ же доказательствомъ того, что Русскіе Великіе Князья

¹⁾ Замѣтимъ, что въ началѣ Олегова договора *свѣтлые бояре* въ Радз. и Тр. спискахъ замѣнены: *свѣтлыми и великими князьями и его великими боярами*; такая замѣна, очевидно, отзывается позднѣйшимъ толкованіемъ.

²⁾ Обзор. Кормч. Кн., стр. 37, 38 и 49. Срв. 72, прав. 54 и пр.

въ X вѣкѣ дѣйствительно назывались *ἄρχοντες* служить приведенная выше булла «*χρυσῇ διαβόλῃ... πρὸς τὸν ἄρχοντα Ῥωσίας*» ¹⁾. Отсюда съ достовѣрностью можно утверждать, что въ нашихъ договорныхъ грамотахъ, въ упомянутомъ перечисленіи, должно принимать три члена дѣленія: Великаго Князя, боярь (князей) и остальныхъ людей. Здѣсь нельзя не обратить вниманія на слѣдующія два обстоятельства: во первыхъ, въ началѣ Олегова договора, послѣ *свѣтлыхъ бояръ* упомянуто еще о *князьяхъ*, такъ что съ перваго взгляда представляется различіе между тѣми и другими, и во вторыхъ, какъ объяснить то замѣчательное явленіе, что въ Олеговомъ договорѣ въ первый разъ употреблено слово *бояринъ*, которое уже не встрѣчается болѣе на всемъ пространствѣ договора, бывъ замѣнено *княземъ*, между тѣмъ какъ въ Игоревомъ на первомъ же мѣстѣ употреблено слово *князь*, не встрѣчающееся болѣе во всемъ договорѣ и замѣненное вездѣ *боярами*. Если бы даже и то и другое явленіе произошло отъ непослѣдовательности переводчика, то и тогда онѣ весьма замѣчательны, потому что представляютъ хотя одну черту, характеризующую переводчика, а въ изслѣдованіяхъ о столь отдаленной и скудной историческими матеріалами эпохѣ каждая черта драгоцѣнна, если и не сама по себѣ, то по приложенію своему къ существующимъ уже историческимъ даннымъ той эпохи.

Выраженіе: «похотѣнемъ нашихъ князь и по повелѣнію», по нашему мнѣнію, относится къ вышеупомянутымъ В. Князю и свѣтлымъ боярамъ въ смыслѣ Князей. Такое излишнее, по видимому, повтореніе составители грамотъ могли почестъ необходимымъ потому, что между первыми двумя членами дѣленія и послѣднимъ: «и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его сущихъ Руси» вставлено по-

¹⁾ Cerem. II, p. 691, lin. 1. Титулъ *ἄρχοντας* между титулами иноземныхъ Государей занимаетъ седьмое мѣсто: *ἐξουσιάρχης, ἐξουσιαστής, ἄρχων τῶν ἀρχόντων, ἀρχηγός, ἀρχηγέτης, ἄρχων*. Cerem. II, p. 679.

именованіе трехъ Греческихъ Царей съ ихъ титуломъ и объясненіе цѣли письменнаго договора, отъ чего теряется связь между всѣми членами. Конечно, согласно съ характеромъ современнаго намъ размѣщенія взаимныхъ управленій, послѣдній членъ должно бы помѣстить непосредственно послѣ *свѣтлыхъ бояръ*; тогда вся мысль была бы вполне ясною и не нуждалась бы въ повтореніи. Но не таковъ былъ характеръ упомянутаго размѣщенія на современномъ договорамъ Визант. языкѣ: наклонность къ длиннымъ періодамъ, къ накопленію вводныхъ и придаточныхъ предложеній, дополненій, опредѣленій и къ неестественному ихъ расположенію — вотъ уже указанныя нами отличительныя черты построенія рѣчи въ произведеніяхъ средневѣковыхъ Визант. писателей. А потому отдѣленіе послѣдняго члена дѣленія отъ первыхъ двухъ въ разсматриваемомъ предложеніи Олегова договора, помѣщеніе его на самомъ концѣ, какъ-бы внѣ всякой зависимости, вполне согласно съ характеромъ словорасположенія, господствовавшего на Визант. языкѣ. Составители договоровъ, чтобы тѣснѣе связать всѣ члены дѣленія и тѣмъ сдѣлать мысль болѣе понятною, почли полезнымъ повторить первые два члена въ одномъ общемъ выраженіи и потомъ уже присовокупить къ нимъ послѣдній членъ. Употребленіе такого приѣма въ каждомъ языкѣ и во всякое время такъ обыкновенно, естественность и польза его такъ понятны, что вовсе нѣтъ нужды въ примѣрахъ.

Что касается до второго явленія, то объясненіе его представляетъ болѣе затрудненія. Если принять въ соображеніе варіантъ для *свѣтлыхъ бояръ* и понимать ихъ какъ позднѣйшее измѣненіе *свѣтлыхъ князей*, то во всемъ Олеговомъ договорѣ не будетъ болѣе рѣчи о боярахъ, въ противоположность Игореву и Святославову договорамъ. Какъ же объяснить это рѣзкое различіе? — Допустивъ, какъ положеніе доказанное, тождество князей и бояръ по отношенію къ Греческому подлиннику, гдѣ и тѣ и другіе обозначены были однимъ словомъ ἄρχον, мы тотчасъ откроемъ причину упомянутаго различія въ разли-

чія приёмовъ, которыми руководились переводчики, или лучше въ большей или меньшей свободѣ, съ какою они обращались съ подлинникомъ. Несомнѣнно, что переводчикъ Олегова договора несравненно болѣе держался буквы подлинника, чѣмъ переводчики остальныхъ договоровъ, особенно во вступленіи и заключеніи, гдѣ его приёмы въ главныхъ чертахъ совпадаютъ съ приёмами нашихъ старинныхъ переводчиковъ. А потому при переводѣ *ἄρχων* онъ не въ состояніи былъ отступить отъ обыкновеннаго и общеупотребительнаго его значенія, если бы даже зналъ, что на родномъ ему языкѣ соотвѣтствуетъ слово *бояринъ*. Наоборотъ, переводчикъ Игорева договора, перелагая съ замѣчательною свободою мысли подлинника, не ограничивалъ эту свободу областію синтаксиса, а распространялъ ее и на измѣненіе нѣкоторыхъ выраженій, согласно съ условіями жизни того народа, на языкъ котораго переводилъ: зная, что подъ *ἄρχοντες* должно разумѣть не князей, а бояръ, онъ не замедлилъ внести туземную терминологію. Во всякомъ случаѣ мы полагаемъ, что причину показаннаго явленія должно искать въ переводчикѣ, что подтверждается и строгою постепенностію, съ какою изгоняется слово князь, въ смыслѣ боярина, изъ языка договоровъ. Понятно, что по мѣрѣ того, какъ Славяно-Руссы сближались съ Греками и точнѣе усваивали ихъ языкъ, переводчики менѣе стѣснялись подлинникомъ, позволяли себѣ значительнѣйшія отъ него отступленія и мало по малу измѣняли Византійскую терминологію на туземную ¹⁾. Съ признаніемъ же тождества бояръ съ князьями, уничтожается и упомянутая неточность въ упо-

¹⁾ Съ другой стороны едва-ли можетъ быть оправдано предположеніе, что князья Олегова договора означаютъ тѣхъ выходцевъ Руссовъ, поселившихся между Славянами вмѣстѣ съ Рюрикомъ и въ послѣдствіи выселявшихся, которые въ началѣ X вѣка все еще продолжали свое отдѣльное существованіе, были господствующимъ классомъ, представителями племени въ самомъ Константинополѣ при составленіи договора, но которые,

требленіи титула, потому что Греки, имѣя въ виду одно только наименованіе князя, переведенное ими, безъ сомнѣнія, словомъ ἄρχων, почитали себя въ правѣ употребить одинъ титулъ, не полагая различія между княземъ и В. Княземъ. Обращаемся къ объясненію самаго титула — *свѣтлый и свѣтлость*.

Въ немъ мы замѣчаемъ всѣ признаки перевода съ Византійскаго подлинника, что несомнѣнно подтверждается какъ рѣшительнымъ отсутствіемъ его во всѣхъ памятникахъ не только древнѣйшей, но и позднѣйшей нашей письменности, такъ и употребленіемъ его въ Византійской Имперіи. Изъ всѣхъ титуловъ, которыми украшались сановники Имперіи, наиболѣе сходства съ нашимъ имѣютъ слѣдующіе: 1) Λαμπρότατος, прилагаемый къ Патриціямъ и Консуламъ. «Λαμπρότατος, говоритъ Дюканжъ, graecis scriptoribus dicuntur, qui Latinis viri clarissimi» и приводитъ слѣдующіе примѣры: «οἱ Λαμπρότατοι ἑπαρχοὶ τοῦ ἱεροῦ πραιτωρίου», или: «ὁ πατὴρ Ἰουλίου Κωνσταντίνου τοῦ λαμπροτάτου Πατρικίου ἀδελφοῦ τοῦ εὐσεβεστάτου βασιλέως Κωνσταντίνου τοῦ Αὐγούστου, καὶ Ρουφίνου Ἀλβίνου τῶν λαμπροτάτων» и пр. Былъ въ употребленіи также титулъ ὑπερλαμπρότατος и относился къ префекту Преторіанцевъ ¹⁾. 2) Περιφανέστατος — также оффиціальныи титулъ, относившійся также къ сенаторамъ. «Περιφανέστατοι, говоритъ Дюканжъ, compellati συγλητι-

въ теченіе слѣдующаго полстолѣтія, значительно слились съ сильнымъ элементомъ славянскимъ, замѣнивъ и прежнее свое названіе *боярами*. Такое различіе едва-ли могло входить въ соображеніе переводчика, обнаруживающаго замѣчательные признаки рабскаго подражанія буквѣ подлинника.

¹⁾ Превосходная степень этого прилагательнаго, какъ титулъ, имѣла оффиціальное значеніе, но положительная его степень, кажется, не имѣла того значенія. По крайней мѣрѣ относительно его Дюканжъ ограничивается только слѣдующимъ примѣромъ: «ὁ δεῖνα τὴν ἰταλῶν γλῶσσαν ἐκπαιδευθεὶς ἐν τοῖς βασιλείοις ἐστὶ λαμπρὸς καὶ πάντα ἀγχι καὶ φέρει τὰ ἔνδον» (II, 214).

κοί seu senatores ¹⁾. Въ томъ же самомъ смыслѣ употреблялся въ Римѣ титулъ *splendidissimus* и самый сенатъ назывался *splendidissima curia*, даже Константинополь иногда назывался *splendidissima urbs* ²⁾. 3) Извѣстно также, что Латинскіе титулы, только съ перемѣною окончаній, переносимы были изъ Рима въ Константинополь. Къ числу такихъ титуловъ принадлежитъ и сходный съ нашимъ ἰλλούστριος (*illustris*), о которомъ Рейске говорить: «*titulus nulli officio soli alligatus, sed tantum comitabatur summas dignitates*» ³⁾. Это объясненіе Рейске для насъ имѣетъ ту важность, что безразличіе титула *свѣтлый*, отнесеннаго въ нашемъ договорѣ и къ В. Князю, и къ подчиненнымъ князьямъ, можетъ быть оправдано такимъ же безразличіемъ сходнаго титула Византійскаго. Такою неопредѣленностію могли воспользоваться составители договоровъ, безъ сомнѣнія, съ величайшею осторожностію употреблявшіе титулы. 4) Наконецъ, рѣшительнымъ доказательствомъ того, что титулъ *свѣтлый* былъ въ полномъ употребленіи при дворѣ Византійскомъ и относился даже къ иноземнымъ владѣтельнымъ лицамъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ, служитъ Константиново перечисленіе титуловъ иноземныхъ Государей ⁴⁾. Здѣсь упоминаются слѣдующіе титулы, которые могутъ быть названы перво-

¹⁾ Анна Комнена въ своей Алексіадѣ упоминаетъ о титулѣ *περιφανεστάτη κεφαλῇ*, избрѣтенномъ ея отцемъ. См. Слов. Дюканжа подъ словомъ *κεφαλῇ*. I, 1156.

²⁾ См. Дюканж. Gloss. Lat. подъ словомъ *splendidissimus*.

³⁾ *Commennt. ad cerem.* 68.

⁴⁾ Константинъ въ сочиненіи: *de ceremoniis aulae Byzant.* посвящаетъ на то особенную главу: «οἷς ὁφεῖλει ὁ βασιλεὺς ὀνόμασι τιρᾶν τοῖς μεγιστάσι καὶ πρώτοις τῶν ἐθνῶν». Нельзя не указать здѣсь и на слѣдующее обстоятельство: въ этой главѣ сначала исчисляются владѣтельныя лица въ числѣ 38-ми, за тѣмъ, послѣ *ταξιάρχης*, слѣдуютъ ихъ титулы, и между послѣдними седьмое мѣсто занимаетъ *περιφανής*, какъ бы прямо соотвѣтствующій *ἀρχοντι*, также занимающему седьмое мѣсто. Можно полагать, что особенно относительно первыхъ владѣтельныхъ особъ соблюдалась большая точность.

образами нашего: περιφανής, περιφανέστατος, ἀγλαός, ἀγλαώτατος, φαίδιμος, φαίδιμώτατος (cerem. II, pag. 679). Если же эти наименованія, съ ихъ оффиціальнымъ значеніемъ, употреблялись даже во внѣшнихъ сношеніяхъ, то, не находя никакого оправданія въ памятникахъ отечественныхъ постоянному эпитету *свѣтлый* нашихъ договорныхъ грамотъ, мы съ достовѣрностію утверждаемъ Греческое происхожденіе послѣдняго, соотвѣтствующаго которому-либо изъ вышеприведенныхъ Византійскихъ титуловъ, заключающихъ въ себѣ то же понятіе.

Мнѣніе наше еще болѣе подтверждается употребленіемъ того же титула въ отвлеченной формѣ: «*наша свѣтлость*». Въ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ не только нельзя встрѣтить слова *свѣтлость* въ смыслѣ титула, но и въ прямомъ, обыкновенномъ его значеніи, такъ что оно съ перваго же взгляда представляется буквально переведеннымъ съ Визант. подлинника и образованнымъ самимъ переводчикомъ. На современномъ же договорамъ Визант. языкѣ мы находимъ съ одной стороны господствующую замѣну конкретныхъ понятій титуловъ отвлеченными вообще, съ другой прямое соотвѣтствіе нашему отвлеченному понятію *свѣтлости* однозначущаго Греческаго титула въ особенности. Вотъ нѣсколько примѣровъ употребленія титуловъ въ отвлеченной формѣ: σεμνοπρέπεια (ἡ ὑμετέρα ὑπερφυῆς σεμνοπρέπεια. Theoph. p. 524. lin. 4), ἀνθεντία (См. Дюканж. Gloss. Gr.), κράτος (Theoph. p. 253. lin. 5 и др. Basilic. lib. VI, p. 43 и др.), γενναίότης (Cerem. I. 419. lin. 1), ἀγίότης и ἀγάπη (γνωρίζομεν τῇ ὑμετέρᾳ ἀγίότητι καὶ ἀγάπῃ. Прав. Соб. и Св. От. стр. 49), θεοσέβεια (ibid. стр. 55) и пр. «Mos ille, говоритъ Рейске, hodie tam tritus et vulgaris, viros in abstracto, ut ajunt logici, appellandi... jam illis temporibus obtinebat, non sub Anastasio natus, neque sub Leone Magno... sed jam in scriptoribus historiae Augustae ejus vestigia prostant» ¹⁾. Изъ титуловъ же, прямо соотвѣт-

¹⁾ Commentt. ad Cerem. p. 434—5. Византійскій Импера-

ствующиѣхъ *свѣтлости*, можно привести здѣсь *ἐνδοξότης* (Theoph. p. 416. lin. 15. Leo Dias. I, 38) и въ особенности *περιφάνεια* (*ἐγγων ἀνακαλύψαι τὸ ἀπὸρρήτου τῇ περιφανείᾳ σου* Leo Dias. I. p. 38 ¹). На основаніи предложенныхъ примѣровъ, мы позволяемъ себѣ не сомнѣваться въ очевидномъ переводѣ нашихъ титуловъ съ Визант. подлинника, особенно когда обратимъ вниманіе на отсутствіе ихъ въ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ.

Есть поводъ думать, что слово *любовь*, столь часто встрѣчающееся во вступленіи и заключеніи договоровъ, заключаетъ въ себѣ признаки иноземнаго происхожденія. Такое мнѣніе подтверждается очевидно Визант. характеромъ предложеній, среди которыхъ оно находится, и особымъ отгнѣнкомъ въ значеніи, сближающимъ его съ соотвѣтствующимъ ему словомъ на Визант. языкѣ. Всматриваясь въ употребленіе этого слова на пространствѣ всѣхъ договоровъ, замѣчаемъ, что вездѣ оно имѣетъ значеніе *мира, мирныхъ отношеній*, существующихъ между двумя или болѣе народами и установленныхъ письменными актами. Вездѣ, гдѣ слѣдовало употребить слово *миръ* (*εἰρήνη*, *рах*), въ нашихъ грамотахъ съ удивительнымъ постоянствомъ употребляется слово *любовь*, такъ что въ одномъ вступленіи въ Олеговъ договоръ, на 12-ти строкахъ, оно повторяется 6 разъ. Какъ скоро переступаемъ за предѣлы договоровъ и вступаемъ въ область лѣтописи собственно, преимущественно въ тѣ мѣста, которыя не предполагаютъ ни малѣйшаго заимствованія, — *любовь*, въ смыслѣ *мира*, исчезаетъ и замѣняется самымъ *миромъ* ²). Такое

торъ въ сношеніяхъ съ Персидскимъ царемъ называлъ себя *ἀδελφότης*, напр.: «*ἡ ἀδελφότης τοῦ Καίσαρος Πέτρῳ μαχίστρῳ τῶν Ῥωμαίων καὶ Ἐυσεβίῳ ἐκέλευσε*» и проч. (Menandr. pag. 354, lin. 3).

¹) Газе едва-ли правильно переводить *περιφάνεια* словомъ *amplitudo*.

²) Замѣчательно, что въ изложеніи обстоятельствъ, предшествовавшихъ заключенію Святославова договора, не смотря на то, что все изложеніе отличается истинно-разговорнымъ ха-

обстоятельство не может не обратить на себя вниманія. Нельзя также не замѣтить, что всѣ выраженія, въ которыхъ встрѣчается слово *любовь*, совершенно однохарактерны, состоятъ почти изъ однихъ и тѣхъ же словъ, имѣющихъ какъ-бы оффиціальное значеніе. Самого невнимательнаго читателя могутъ заставить задуматься глаголы: *извѣститъ*, *удержать* и *утвердить*, а равно и происхожденія отъ нихъ существительныя, являющіяся всегда какъ неизмѣнные спутники слова *любовь*. Эта оффиціальность выраженій неопровержимо свидѣтельствуетъ о дипломатическомъ значеніи договоровъ и устраняетъ всякій намекъ на поддѣлку. Должно предположить небывалое искусство въ поддѣлкахъ этого рода, чтобы, по разборѣ каждой формы, не открыть ихъ слѣда. Еслибы Шлёцеръ, вмѣсто общихъ сужденій о невозможности существованія у Русскихъ Славянъ въ началѣ X вѣка подобныхъ дипломатическихъ актовъ, обратился къ ихъ языку, вникнулъ въ ихъ терминологію, въ строжайшую послѣдовательность въ употребленіи выраженій, то никогда не произнесъ бы слѣд. словъ: «есть множество древнихъ актовъ, подложность коихъ можно неопровержимымъ образомъ доказать изъ одного внутренняго содержанія, и, къ сожалѣнію, это самое, кажется, надобно сказать о нашемъ трактатѣ 912 года. *Я бы могъ насчитать въ немъ цѣлый десятокъ такихъ мѣстъ, которыхъ никакъ не могли написать лица, приведенныя въ немъ*» ¹⁾. Послѣ ближайшаго разсмотрѣнія языка договоровъ оказывается совершенно излишнимъ приведеніе такихъ мнимо-подложныхъ мѣстъ, пото-

ракторомъ, находимъ слѣд. выраженіе: «хочю имѣти *любовь* со царемъ Гречьскимъ *свершеную прочая вся лѣта*», сильно отзвучающее буквально переводомъ съ Византійскаго подлинника. Должно полагать, что лѣтописецъ, приступая къ описанію обстоятельствъ, сопровождавшихъ самое заключеніе договора, и знакомый съ особенностями языка грамотъ, старался подражать этому языку и въ самыхъ грамотъ.

¹⁾ Несторъ II, 758.

му что читатель вполне убѣжденъ, что наши грамоты не были писаны лицами, въ нихъ приведенными, а опытными Греческими дипломатами, въ совершенствѣ знакомыми со всѣми пріемами, условіями и формами, соблюдаемыми въ подобныхъ актахъ. Однимъ словомъ, чѣмъ болѣе всматриваемся въ наши договоры, тѣмъ болѣе убѣждаемся въ ихъ несомнѣнной подлинности; такія убѣжденія выпадаютъ только на долю исторической истины ¹⁾.

Есть основаніе думать, что слово *любовь* имѣетъ еще частное значеніе самаго договора со всею совокупностію заключающихся въ немъ условій. Такъ, въ грамотѣ Олеговой читаемъ: «многожды право судихомъ, но точію *простословесенъ*, и *писаніемъ* и клятвою твердою... такую любовь извѣстити и утвердити». Здѣсь прямо разумѣются два договора—словесный и письменный. То же должно понимать и о любви, *извѣщаемой исповѣданіемъ и написаніемъ*. Игорь предъ самою *харатьею* клянется *сохранить эту любовь по правдѣ*, — выраженіе, совершенно равное выраженію Святославова договора: «схранимъ правая *свѣщанья*», гдѣ *свѣщанье*, вѣроятно, есть самый списокъ или автографъ грамоты. Можно даже съ нѣкоторою увѣренностію полагать, что выраженіе: «Игорь великій князь да хранить *си любовь правую*» совершенно равняется предъидущему: «аще ли же кто... преступитъ се, еже есть *писано на харатѣи сей...*». Въ такомъ случаѣ *любовь* прямо означаетъ самыя мирныя условія, самую договорную грамоту, самую *харатью*. Кромѣ того изъ многихъ мѣстъ видно, что *миръ и любовь* въ нашихъ договорахъ — слова однозначущія, хотя первое вытѣснено послѣднимъ и встрѣчается во всѣхъ договорахъ только пять разъ, изъ коихъ два вмѣстѣ съ словомъ *любовь*.

¹⁾ Столь же часто и въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ слово *любовь* повторяется въ договорѣ Игоря; такъ, во вступленіи оно повторено на пяти строкахъ три раза и однажды въ заключеніи. Въ Святославовомъ договорѣ *любовь* встрѣчается однажды.

Слово же *миръ* въ заключеніи Олегова договора должно понимать какъ самыя мирныя условія: «бывшій миръ сътворихомъ Ивановомъ написаніемъ на двою харотью», т. е. мы киноварью переписали наши мирныя условія на двухъ хартіяхъ. То же самое, кажется, должно сказать и о слѣд. выраженіи Олегова договора: «не переступати ни памъ, ни иному отъ страны нашея, *отъ уставленныхъ главъ мира и любви*» (стр. 16). Что означаетъ здѣсь *уставленныя главы мира и любви*, какъ не самыя мирныя условія, изложенныя въ грамотѣ, какъ не τῆς εἰρήνης συνθήκαι, по выраженію Приска¹⁾; и можно-ли слово *любовь* принимать однозначущимъ съ словами: дружба, пріязнь? Такое значеніе не имѣло бы смысла. Притомъ невозможно предположить, чтобы переводчикъ, видя въ подлинникѣ слова подобныя слѣд.: εἰρήνη, σπονδαί, συνθήκη, συαλλαγή и т. под. съ такимъ упорнымъ постоянствомъ удерживалъ *любовь*, тѣмъ болѣе, что именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчается слово *любовь*, онъ иногда обнаруживаетъ явную неопытность въ своемъ дѣлѣ, рабское подражаніе буквѣ подлинника (напр. на извѣщаніе *любовь*); отъ него нельзя ожидать такой самостоятельности въ выборѣ слова и такого постоянства въ его употребленіи. На основаніи предложенныхъ соображеній, мы готовы утверждать Греч. происхожденіе слова *любовь*, хотя въ то же время знаемъ, что въ нашихъ лѣтописяхъ встрѣчается оно съ нѣскольکو—сходнымъ значеніемъ²⁾. На современномъ до-

¹⁾ Excerpta e legat. p. 144.

²⁾ Приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ изъ первой Новгородской лѣтописи, которую по языку едва-ли не должно называть древнѣйшею: «въ то же лѣто ходи игумень Діонисій съ *любовію* въ Русь (13); съведе ѿ владыка *въ любовь* (38); Твѣрдиславъ же съшѣдся съ княземъ *въ любовь* и лишился посадицѣства (ibid.); снидошася *въ любовь*» (77). Изъ всѣхъ Новгородскихъ грамотъ, помѣщенныхъ въ I томѣ Собр. Гос. Гр. и Догов. и имѣющихъ официальное значеніе, слово *любовь* не встрѣчается ни въ одной въ упомянутомъ смыслѣ; только въ нѣкоторыхъ грамотахъ читаемъ: «цѣловалъ (цѣловали) хрестъ

говорамъ Визант. языкѣ слово ἀγάπη между многими другими значеніями имѣеть также значеніе договора, мирныхъ условій. «Ἀγάπη, говорить Дюканжъ, *pacis, foedus*» и приводитъ примѣры: «*παρεβάτησαν αἱ ἀγάπαι*» и «*τελεσθείσης τῆς ἀγάπης*» въ смыслѣ договора. Присоединимъ здѣсь свой примѣръ, заимствованный изъ исторіи Θεοφана: «*εἰρηνικὴν πρὸς αὐτοὺς ἀγάπην κορυφῶσθαι ᾗτήσαντο· εἰξας οὖν ὁ βασιλεὺς ταῖς αὐτῶν αἰτήσεσι ἐκύρωσε καὶ πρὸς αὐτοὺς δεσποτικὴν εἰρήνην*» ¹⁾).

Изъ отдѣльныхъ словъ вступленія въ Олеговъ договоръ мы укажемъ здѣсь еще на слово *глава*, которое, по нашему мнѣнію, есть переводъ Греч. *κεφάλαιον* или *κεφαλή*, употребляемаго постоянно въ дѣленіяхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Правилъ Собор. и Св. Отецъ *κεφάλαιον* имѣеть значеніе *дѣла, предмета*, напр.: «*εἰ μὴ τὸ πρόσωπον ἐπέχων τοῦ οἰκείου Πατριάρχου ἢ Μητροπολίτου, ἐν ἑτέρᾳ πόλει παραγένησαι ἐπὶ τινὶ κεφαλᾷ*» (въ переводѣ: для нѣкаго дѣла) ²⁾. Или: «*διὰ τὰ ὡς εἰκὸς ἀνα-*

къ намъ, *по любви въ правду, безъ всякаго извѣта*» (стр. 18, 20 и др.), и притомъ это выраженіе встрѣчается всегда въ одной и той же формѣ, какъ однажды принятой за officialную. Что касается до перваго приведеннаго нами примѣра изъ первой Новгородской лѣтописи, то значеніе въ немъ слова *любовь* совершенно совпадаетъ съ однимъ изъ многихъ значеній Греч. ἀγάπη—Христіанское привѣтствіе, выраженіе Христіанской любви, что въ тѣснѣйшемъ смыслѣ означаетъ *поцѣлуй* — *osculum*, какъ говоритъ Дюканжъ, *quod pacis vocant et quo in sacra Liturgia sese invicem donabant fideles*» (Glos. Gr. подъ словомъ ἀγάπη). Отсюда выраженіе Новгородской лѣтописи: «*ходи игумень Діонисій съ любовію*» на простомъ языкѣ означаетъ: «*ходи игумень Діонисій съ поклономъ*». Последніе же два примѣра той же лѣтописи суть только выраженія украшенной, нѣсколько изысканной рѣчи, которыми такъ богатъ нашъ древній языкъ. На простомъ языкѣ онѣ означаютъ: «*помирился ихъ владыка*» и проч., такъ что во всѣхъ этихъ примѣрахъ *любовь* имѣеть только значеніе *дружбы, пріязни* вообще.

¹⁾ Theoph. pag. 544 lin. 8—10.

²⁾ Прав. Соб. и Св. От. стр. 80. Прав. 7.

δοξμενα κεφάλαια ἐκκλησιαστικά» ¹⁾. Такое значеніе κεφαλαίου вполне соотвѣтствуетъ значенію слова *глава* въ выраженіи Олегава договора: «суть, яко понеже мы ся имали о Божіи вѣрѣ и любви, *главы* (= дѣла) таковыя». Замѣтимъ также, что въ произведеніяхъ Византійскихъ писателей весьма часто встрѣчается выраженіе: «δικαίον κρίνειν», буквально соотвѣтствующее нашему: «право судихомъ (многажды право судихомъ)», напр. «δικαίον ἐκρίναμεν τοὺς μὴ ταῦτα ἀκριβῶς ἐξησκημένους ἐν τῇ τοιαύτῃ τετάχθαι βασιλικῇ λειτουργίᾳ» (Cerem. II. pag. 704. lin. 12); οὐ δίκαιον ἐκρίναμεν» (Ibid. pag. 726. lin. 3) и проч.

Не можемъ не привести здѣсь одного мѣста изъ исторіи Менандра, гдѣ встрѣчается слово ὁμολογία, прямо соотвѣтствующее нѣсколько разъ повторяющемуся въ нашихъ договорахъ слову *исповѣданіе* и имѣющее особенное, весьма замѣчательное значеніе. Вотъ это мѣсто: «ἡ μὲν τοῦ Ῥωμαίου αὐτοκράτορος περὶ τῆς εἰρήνης ὁμολογία, τὴν συνήθη φέρουσα προγραφὴν, γνώριμος ἡμῖν ἐς τὰ μάλιστα τογχάνει» ²⁾. Смыслъ какъ этого мѣста, такъ и всего разсказа, показываетъ, что ὁμολογία въ этомъ случаѣ означаетъ *утвержденіе*, скрѣпленіе письменнаго акта, то, что на современномъ намъ языкѣ называется *ратификаціею* ³⁾. Тѣмъ болѣе должно допустить такое значеніе въ словѣ ὁμολογία и приравнять его нашему *исповѣданію*, что и у Менандра рѣчь идетъ о подобномъ же договорѣ съ Персами. Не должно-ли принимать въ томъ же смыслѣ и выраженія: «извѣстити и утвердити любовь»? Если справедливо это предположеніе, то значеніе, приданное нами слову *любовь*, еще болѣе получаетъ вѣроятія. Этимъ заключаемъ мы наше разсмотрѣніе одѣльныхъ словъ и выраженій, находящихся во вступленіи

¹⁾ Ibid. стр. 82. Прав. 8.

²⁾ Menandr, pag. 353. lin. 9.

³⁾ Въ переводѣ это мѣсто читаемъ: «et Romani Imperatoris pacis ratihabitio solitam prae se ferebat inscriptionem».

въ Олеговъ договоръ и заключающихъ въ себѣ слѣды Византійскаго происхожденія. Причины особенной подробности этого разсмотрѣнія заключаются въ слѣдующемъ: во-первыхъ, сюда вошла наибольшая часть характеристическихъ выраженій, во-вторыхъ, — вступленіе и заключеніе, какъ замѣчено выше, суть именно тѣ части въ Олеговомъ и Игоровомъ договорахъ, въ которыхъ яснѣе всего обнаруживается переводный характеръ нашихъ грамотъ. Обращаемся къ заключенію.

Прежде всего постараемся подтвердить доказательствами раздѣленіе (пунктуацію), принятое нами въ первомъ предложеніи заключенія Олегова договора. Предлагаемъ наше чтеніе этого предложенія: «на утвержденіе же и неподвиженіе быти межѣ вами Хрестыяны и Русью бывшій миръ, сътворихомъ Ивановомъ написаніемъ на двою харотью» и т. д. и утверждаемъ его на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) выраженія: «на утвержденіе и неподвиженіе» не могутъ быть употреблены въ такомъ отдѣльномъ положеніи, безъ всякаго отношенія къ чему-либо. 2) Но не говоря уже о томъ, что понятія въ приведенныхъ словахъ суть относительныя, самый способъ употребленія въ Олеговомъ договорѣ подобныхъ же выраженій совершенно противорѣчитъ такому безотносительному ихъ положенію. Дѣйствительно, во вступленіи мы находимъ выраженія, вполне сходныя съ разсматриваемымъ, но въ которыхъ тѣ же существительныя всегда имѣютъ какое-либо отношеніе. Такъ, въ первомъ предложеніи: «мы... послани на удержаніе и на извѣщеніе отъ многихъ лѣтъ межю Християны и Русью бывшую любовь». Не есть ли это почти буквальное повтореніе одного и того же предложенія съ замѣною *мира* *любвию* и слова *извѣщеніе* словомъ *неподвиженіе*? Такое поразительное сходство неизбѣжно заставляетъ насъ признать сходство въ конструкціи, а вмѣстѣ и необходимость допустить принятое нами раздѣленіе. Далѣе: «удержати такую любовь, бывшую межю Християны и Русью», гдѣ *бывшую* также непосредственно относится къ глаголамъ: *удержати* и *извѣстити*, какъ въ

первомъ случаѣ отъ существительныхъ. Или: «на *сохране-
ніе* прочихъ и всегда лѣтъ съ вами Греки исповѣданіемъ
и написаніемъ съ клятвою *извѣщающую любовь*», гдѣ ви-
димъ совершенно то же самое явленіе. Въ томъ же смы-
слѣ должно принимать и въ послѣднемъ предложеніи за-
ключенія: «на *утверженіе и извѣщеніе* межи вами *бы-
вающаго мира*». Изъ всѣхъ этихъ предложеній ясно вид-
но, что съ существительными: удержаніе, извѣщеніе и
проч. непосредственно и неизмѣнно соединяются слова
любви и мира, что, слѣдовательно, съ необходимостію
должно заключать и о разсматриваемомъ мѣстѣ. Самая же
неправильность конструкціи, буквально переведенной съ
Греческаго языка въ первомъ и третьемъ примѣрахъ,
окончательно убѣждаетъ въ томъ, что слова: *бывшій миръ*,
какъ винительные падежи, зависящіе отъ существитель-
ныхъ: *удержаніе и неподвиженіе* должно относить къ
этимъ послѣднимъ. Такое толкованіе намъ кажется не
допускающимъ ни малѣйшаго сомнѣнія, потому что оно
вполнѣ подтверждается почти буквально-сходными выра-
женіями того же договора. Всякое другое раздѣленіе при-
дастъ особый отбѣнокъ, противорѣчащій смыслу и внѣш-
ней формѣ упомянутыхъ сходныхъ выраженій. Этой осо-
бенности и этого противорѣчія нельзя допустить и на
основаніи того нашего замѣчанія, что всѣ почти выраже-
нія договоровъ, вся ихъ терминологія отличаются замѣ-
чательною точностію и истинно-дипломатическою опредѣ-
ленностію, а потому, если мы видимъ въ одномъ и томъ
же договорѣ два совершенно сходные примѣра, то съ ло-
гическою необходимостію должны заключать о сходствѣ
и въ употребленіи третьяго, имъ подобнаго, тѣмъ болѣе,
что заключенію о такомъ сходствѣ ничто не препятству-
етъ. 3) Справедливость принятаго раздѣленія подтвержда-
ется столько же и словами: «межи вами Хрестьяны и
Русью», которыя едва-ли не менѣе могутъ быть безъ вся-
каго отношенія, какъ и слова: «утверженіе и неподвиже-
ніе». Дѣйствительно, что означаетъ выраженіе: «на утвер-
женіе же и неподвиженіе быти межи вами Хрестьяны и

Русью»? Нельзя не сознаться, что оно не имѣетъ смысла. Кромѣ того, если мы опять вникнемъ въ приведенные выше примѣры, особенно въ первый и третій, какъ буквально сходные съ разсматриваемымъ выраженіемъ и по самой конструкціи, и замѣтимъ, что въ нихъ тѣ же самыя слова: «межю Христіанъ и Русью» всегда относятся къ причастію *бывшій*, и что онѣ только въ такомъ случаѣ и могутъ имѣть свой смыслъ, то съ тою же логическою необходимостію должны признать ихъ и здѣсь относящимися къ причастію *бывшій*. И такъ, на основаніи приведенныхъ доказательствъ, чтеніе этого мѣста должно принять видъ, показанный нами выше. Мы съ нѣкоторою подробностію указали на необходимость этого измѣненія, потому что вмѣстѣ съ нимъ и самая мысль получаетъ какъ бы другой оттѣнокъ. По отдѣленіи словъ: «бывшій миръ» къ предъидущимъ, послѣдующія еще болѣе будутъ имѣть право на отдѣльное, самостоятельное существованіе, когда мы вникнемъ въ значеніе слова *написаніе*.

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что слово *написаніе*, встрѣчающееся дважды въ заключеніи Олегова договора, имѣетъ особенное значеніе: по нашему мнѣнію, оно соотвѣтствуетъ Греческому *γράμματα*. Какъ официальное слово *συμβολαίου* переводчикъ передѣлалъ въ *свѣщаніе*, не предполагая въ немъ особеннаго значенія, такъ *γράμματα* (или *ἀπογραφή* въ томъ же смыслѣ) онъ буквально перевелъ словомъ *написаніе*. Справедливость нашего мнѣнія подтверждается слѣдующими словами въ концѣ договора: «и таково *написаніе* дахомъ царства вашего» и т. д. Объ употребленіи же слова *γράμματα*, въ смыслѣ договорной грамоты, или вообще какого-либо юридическаго акта, почитаю излишнимъ распространяться, потому что оно встрѣчается и въ современныхъ законахъ Византійской Имперіи и у Византійскихъ писателей. Изъ сочиненій послѣднихъ достаточно упомянуть о слѣдующемъ: «*excerpta e Prisci historia de legationibus*», гдѣ *γράμματα* въ показанномъ смыслѣ встрѣчается почти на

каждой страницѣ ¹⁾). Изъ предложеннаго объясненія видно, что *написаніе* однородно съ словомъ *свѣщаніе*, съ тѣмъ только различіемъ, кажется, что первое есть общее, а второе частное названіе. Слова: «царства вашего», по нашему мнѣнію, обозначаютъ время написанія грамоты и указываютъ на общепринятый обычай въ концѣ акта означать время его составленія, такъ что заключительная мысль Олегова договора должна принять слѣдующій видъ: «и таково написаніе дахомъ на утвержденіе обоему пребывать таковому свѣщанію, на утвержденіе и извѣщеніе межѣ вами бывающаго мира, *царства вашего* мѣсяца Сентября въ 2, а въ недѣлю 15, въ лѣто созданія міру 6420». Подобнымъ же образомъ въ настоящее время оканчиваются манифесты, указы и проч.: «данъ царства нашего въ такое-то лѣто».

Что же касается до выраженія: *Иваново написаніе*, то, согласно съ мнѣніемъ Круга ²⁾, принятымъ и другими изслѣдователями отечественной исторіи, признаемъ его передѣланнымъ невѣжествомъ переписчика изъ *киноварнаго написанія*. Обращаемся къ разсмотрѣнію самыхъ статей Олегова договора.

Выше было замѣчено, что *κεφάλαιον* имѣетъ на Визант. языкѣ значеніе *дѣла, предмета*. Это значеніе мо-

¹⁾ См. Дюканжа Gloss. подъ словомъ *γράμματα*.

²⁾ Der bei den Byzant. oft vorkommende Ausdruck: διὰ κιναβάρεως γράμματα stand nun auch in jenem traktate; von unwissenden russischen Abschreibern aber ward aus *киноварнымъ написаніемъ* gemacht Ивановымъ. Krit. Vers. zur Aufklär. der Byzant. Chronol. p. 79. Порог. Изслѣд. I, 138—9. Карамз. I, прим. 327 и проч. «Maxime ita dicitur color rubeus, говорить Дюканжъ, quo diplomata et epistolas suas subscriberent Imperatores Constantinopoli». διὰ κιναβάρεως γράμματα иначе называются ἐρυθρὰ γράμματα. Gloss. Gr. I, 655. Слово харатья есть, очевидно, Греческое *χάρτη*. Приведемъ здѣсь одинъ примѣръ изъ lib. Busilic.: «μέτρια δὲ παρέχειν προφάσει τῶν ὑπὲρ ἐκάστης διδομένων συμβόλων τε καὶ χαρτῶν». Lib. VI, p. 152 (ed. Heimbachiana Lipsiae. 1833).

жетъ имѣть полное примѣненіе и въ выраженіи: «а о *головахъ*, иже ся ключить проказа». Выраженіе же: «*показаніи явленными*», очевидно, юридическое и, вѣроятно, туземное, которымъ, какъ готовымъ, переводчикъ могъ воспользоваться. Подъ именемъ *показанія*, говоритъ Эверсъ, безъ сомнѣнія, должно разумѣть все то, что указываетъ на какое-либо событіе, обнаруживаетъ его» (стр. 151). Въ туземныхъ, нѣсколько позднѣйшихъ, юридическихъ памятникахъ этому слову соотвѣтствуетъ *знаменье*. Такъ, въ Русской правдѣ: «аще-ли не будетъ на немъ знаменья; а выиметь знаменье» ¹⁾, откуда *знаменовати* (Р. Пр. стр. 56), *знаменьный* (57) ²⁾. Въ древнѣйшее время, когда все судопроизводство ограничивалось одними видимыми знаками, слово *показаніе* удовлетворяло всѣмъ его требованіямъ; въ послѣдствіи же, когда входили въ употребленіе другіе способы открытія преступленій, *показаніе* получило значеніе доказательства, а *знаменіе* (= явленіе) замѣнило прежнее значеніе *показанія* ³⁾. Отсюда видно, что послѣднее, въ томъ смыслѣ, въ какомъ употреблено въ Олеговомъ договорѣ, принадлежитъ къ древнѣйшей эпохѣ развитія языка.

Есть основаніе думать, что выраженіе: «да имѣють вѣрное о тацѣхъ явленіи» взято съ Греч. языка. Съ одной стороны рѣдкое употребленіе въ этомъ видѣ прилагательнаго и господство этого оборота на Визант. языкѣ, съ другой замѣтная особенность въ значеніи слова *вѣрное*, подтверждають предположеніе о заимствованіи, тѣмъ болѣе, что все выраженіе сильно отзывается искусствен-

¹⁾ Русск. Достоп. II, 55.

²⁾ Въ томъ же, вѣроятно, смыслѣ должно понимать выраженіе: «да *покажется* таковое отъ челядина». Приведу здѣсь одно мѣсто изъ Лаврент. лѣтописи: «идѣже множество грѣхъ, ту видѣнья всякого *показанья*» (162).

³⁾ На Визант. языкѣ встрѣчаются и выраженія: *ἐγκλήματα φανερὰ* (Прав. Соб. стр. 15), *ποσὶν φανερόν* (постоянно въ lib. Basilic.) и проч.

ностию, обнаруживающею буквальный переводъ. Дюканжъ въ Греч. словарѣ приводитъ слово πιστὸν и указываетъ на особенное его употребленіе, которымъ можно объяснить значеніе нашего *вѣрное*. Подъ первымъ на Визант. языкѣ разумѣлось ясное и несомнѣнное доказательство вѣры во Христа, обнаруживаемое исполненіемъ его заповѣдей: «*praecclarum fidei in Christum argumentum in illius praeseptis exsequendis*». Это слово, имѣвшее особенное значеніе и употреблявшееся на церковно-юридическомъ языкѣ ¹⁾, могло явиться въ буквальномъ переводѣ въ нашихъ договорахъ. Если Дюканжево объясненіе слова πιστὸν принять въ пособіе при объясненіи выраженія договора, то смыслъ его будетъ слѣд.: «должно собрать ясныя и несомнѣнныя доказательства справедливости представленныхъ показаній». Это объясненіе отлично и отъ перевода Эверса (то должны вѣрить при представленіи такихъ показаній) и отъ господствовавшего доселѣ мнѣнія объ этомъ мѣстѣ вообще. Приведу здѣсь еще одно сходное мѣсто изъ Теофанова Продолжателя: «*ὁ (λόγῳ) καὶ ἐνὸς πείθεται ἐξ ἐγγράφου τινὸς ἔχον τὴ βέβαιον*» ²⁾.

Слово *сиръшеніе*, какъ ни общепотребительно въ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ, — въ значеніи преступленія, и при томъ въ юридическомъ памятникѣ, также напоминаетъ Греч. ἀμαρτήμα, напр. въ слѣд. мѣстѣ Теофанова Продолжателя: «*μικροῦ γὰρ καὶ μεγιστος ἦν αὐτῷ διαφορά ἀμαρτήματος*», что переведено такъ: «*nulla illi majoris minorisve sceleris distinctio*» ³⁾. Изъ представленныхъ указаній видно, что вся эта статья, какъ отличающаяся искусственнымъ языкомъ, особеннымъ значе-

¹⁾ Вотъ два примѣра, приведенные Дюканжемъ изъ Котелеріева номоканона: «οἱ ἐξαγοράσαντες φυλάς ἐν καιρῷ αἰχμηλωσίας μέγαν πιστὸν βοῶσιν»; или: «Ἐὰν δὲ τις ἐν χωρίῳ λάχῃ καὶ ὀρίσῃ, καὶ συρρίξει, εἰ καὶ ἀληθῶς ὑπάρχει ἢ ὑπόθεσις, μέγαν πιστὸν ποιήσει» I, 1173.

²⁾ Theoph. Cont. p. 50. lin. 19.

³⁾ Theoph. Cont. I, 25. lin. 22.

ніемъ словъ, обнаруживаетъ обильные признаки Греческаго происхожденія.

Тѣмъ же характеромъ отличается и слѣд. статья въ выраженіяхъ: «мученія образомъ искусь творити» и «възметъ что любо дружинне». Остановимся на словахъ: *искусь* и *дружинне*. Нѣтъ сомнѣнія, что первое въ настоящемъ случаѣ означаетъ *пытку, истязаніе, испытываніе*, вопреки мнѣнію Карамзина объ *обыскѣ*. Здѣсь, очевидно, противоплагаются два преступленія: тайное воровство и явное, насильственное отнятіе вещи, соединенное съ побоями. Ссылка, сдѣланная Карамзинымъ на другое подобное мѣсто договора: «аще ли кто искушенія сего не дастъ створити», не можетъ служить доказательствомъ. И то и другое слово заключаетъ въ себѣ общее понятіе *испытанія, истязанія*, и, тогда какъ въ послѣднемъ случаѣ оно дѣйствительно совпадаетъ съ понятіемъ *обыска*, въ первомъ удерживаетъ свое первоначальное значеніе. На Визант. языкѣ слову *искусь* соответствуетъ слово *πεῖρα*, которое весьма часто встрѣчается въ Прав. Соб. и Св. Отецъ въ смыслѣ *испытанія*, назначаемаго поступающему въ духовное, преимущественно монашеское званіе; *искушеніе* же, какъ самое дѣйствіе, соответствуетъ Греч. *πεῖρασις*. Смыслъ статьи еще болѣе уясняется отъ объясненія втораго слова.

И Шлёцеръ ¹⁾, и Карамзинъ ²⁾, и Эверсъ ³⁾ принимали слово *дружинне* въ смыслѣ *чужой, другой*. Съ полнымъ уваженіемъ къ авторитетамъ упомянутыхъ ученыхъ, мы осмѣливаемся предложить здѣсь собственное толкованіе. Ни одинъ изъ лучшихъ списковъ не представляетъ чтенія, *дружине*, принятаго Шлецеромъ, Карамзинымъ и

¹⁾ Ежели кто изъ Христіанъ или Руссовъ что-нибудь (на сильно отнять у другаго). Несторъ. II, 720.

²⁾ «И силою возметъ чужое». I, 138.

³⁾ И возметъ что-нибудь у другаго явно, силою. Др. Р. Пр. стр. 170.

и Эверсомъ ¹⁾; слѣдовательно, оно имѣеть только значеніе предположенія, возникшаго по причинѣ видимой невозможности понимать и объяснять это мѣсто иначе. Кромѣ авторитета списковъ чтенію *дружнѣ* можетъ быть противопоставлено: 1) небывалое значеніе слова *дружнѣ*, означающаго обыкновенно: дружескій, пріятельскій, 2) то, что этимъ значеніемъ не придается ничего новаго мысли: взятіе чего-либо чужаго или воровство уже было предметомъ особой статьи договора. Притомъ слово *чужой* само встрѣчается въ договорахъ и на слѣдующей же страницѣ читаемъ: «аще ли вывержена лодья будетъ... на землю *чужю*». Вникая въ эту статью, всякій видитъ, что въ ней идетъ рѣчь о двухъ однородныхъ и чрезвычайно близкихъ между собою преступленіяхъ, потому что за то и за другое назначается одно то же наказаніе—возвращеніе тройной цѣны украденной вещи. Первое же преступленіе есть открытое нападеніе и насильственное, съ истязаніемъ соединенное похищеніе вещи; слѣдовательно, и выраженіе: «или възметъ что любо *дружиннѣ*» должно заключать въ себѣ подобное же преступленіе. Принимая *дружиннѣ* за сред. родъ прилагательнаго *дружинный*, мы едва-ли не поймемъ истиннаго смысла мѣста ²⁾. *Дружина* есть соединеніе, совокупность, скопище нѣсколькихъ лицъ, откуда: *взять что-либо дружиннѣ* значитъ похитить вещь также насильственно, но только посредствомъ совокупнаго нападенія нѣсколькихъ лицъ. Согласно съ этимъ толкованіемъ, разсматриваемая статья заключаетъ въ себѣ два обстоятельства: насильственное похищеніе вещи однимъ лицомъ, Русскимъ или Грекомъ, и насильственное похищеніе вещи, совершенное совокупностію лицъ. Такое объясненіе, не дѣлая нисколько насилія мысли, по край-

¹⁾ Лаврент. *дружиннѣ*, Хлѣбн. *дружнѣ*, Радз. и Тр. *дружнѣ*.

²⁾ Употребленіе прилагат. *дружинный* подтверждается древнѣйшими нашими лѣтописями. Приведемъ здѣсь одинъ примѣръ: «и прѣхавше сли, повѣдаша рѣчь *дружинню*». Лаврент. стр. 158.

ней мѣрѣ оставлять неприкосновеннымъ одинаковое во всѣхъ спискахъ чтеніе и освобождаетъ отъ всякаго произвольнаго предположенія. Нельзя-ли здѣсь разумѣть *ἐταίριαν*, которая, кромѣ обыкновеннаго своего значенія — отряда охранительнаго Императорскаго войска изъ иноземцевъ, означала также просто партію, *factionem* ¹⁾? Не утверждая безошибочности представленнаго объясненія, мы скажемъ въ заключеніе, что если бы и должно было принять чтеніе *дружие*, то оно означало бы: пріятельское, дружеское, но никакъ: *чужое*, *другое* ²⁾.

Въ статьѣ о выдачѣ плѣнниковъ обращаетъ на себя вниманіе выраженіе: «и възвратятъ ѿ скупленое лице» ³⁾, въ которомъ слово *лице* въ смыслѣ чловѣка, субъекта обнаруживаетъ слѣды перевода. Какъ ни обыкновенно его употребленіе на современномъ намъ языкѣ, въ древнѣйшихъ памятникахъ, въ этомъ смыслѣ, оно не встрѣчается. Такъ, въ Русской правдѣ, гдѣ оно было бы всего уместнѣе, хотя и находимъ слово *лице*, но вовсе не въ смыслѣ субъекта, напр. въ статьѣ о *тадобѣ*: «а истыцю свое личемъ взяти» ⁴⁾ и т. д., а въ смыслѣ *полимчнаго*, или *всего*, что есть *налице* ⁵⁾. Въ томъ же значеніи *лице* встрѣчается и въ лѣтописяхъ, напр.: «кдѣ что свое познавше лицемъ имати» ⁶⁾. Не встрѣчая въ древнѣйшихъ нашихъ

¹⁾ Theoph. Cont. I. рад. 228. Самыхъ иностранцевъ, приходившихъ въ Константинополь для службы и торговли, называли не *ξένους*, а *φίλους*. Commentt. ad cerem. p. 55 sqq.

²⁾ О значеніи слова *бороненіе* см. выше. О значеніи слова *епитимья* см. разсужд. Бѣляева. Оно употреблялось въ смыслѣ всякаго наказанія, хотя по преимуществу церковнаго; «ἐπιτίμιον, говорить Дюканжъ, quaevis mulcta vel poena delicto debita et imposita».

³⁾ Мы предпочитаемъ раздѣльное чтеніе: «ѿ скупленое» на основаніи сходныхъ согласованій въ томъ же договорѣ: «обрѣтаемое да имуть ѿ; да пустимъ я съ честию проданое рухло лодья ихъ».

⁴⁾ Русск. Достоп. II, 37 и др.

⁵⁾ Ibid. стр. 72.

⁶⁾ Лаврент. стр. 141.

памятникахъ слова *лице* въ упомянутомъ значеніи, мы основательно можемъ заключать, что въ договоръ Олега оно появилось изъ Визант. подлинника, на языкѣ котораго оно было общеупотребительнымъ, господствующимъ. То же обстоятельство, что въ самомъ Олеговомъ договорѣ оно употреблено только одинъ разъ, по нашему мнѣнію, еще болѣе подтверждаетъ заимствование. Видно, что переводчикъ, чувствуя различіе въ значеніи слова *лице* въ обоихъ языкахъ и избѣгая буквальной передачи его въ другихъ случаяхъ, по причинѣ слишкомъ близкаго къ подлиннику перевода, не могъ не измѣнить себѣ хотя одинъ разъ и не внести въ свой переводъ Греч. *πρόσωπον*, подобно дякону Григорію, который, при всемъ своемъ стараніи сохранить букву подлинника, не могъ не внести въ свой трудъ оттѣнковъ роднаго говора. А что переводчики дѣйствительно избѣгали употребленія этого слова, подтверждается, кромѣ отсутствія его въ другихъ договорахъ, и слѣд. выраженіемъ Игорева договора: «аще ли обращются Русь работающе у Грекъ, аще ли суть плѣнники, да искупають е Русь по 10 златникъ», гдѣ одинаковый смыслъ, одинаковыя слова заставляютъ ожидать того же слова. — На Визант. же языкѣ употребленіе *πρόσωπον* въ смыслѣ юридическаго лица повсемѣстно. «*Πρόσωπον est Graecis novis*, говоритъ Рейске, *persona ipsa, homo ipse*» и ниже: «*πρόσωπον pro persona, subiecto jam veteres dicebant*» ¹⁾, а потому наши старинные переводчики должны были весьма часто имѣть и съ нимъ дѣло. Древнѣйшіе переводы Кормчей представляютъ чрезвычайно любопытное явленіе относительно способа его

¹⁾ Comment. ad Cerem. p. 316. На Византійск. языкѣ оно имѣетъ различныя значенія, напр. значеніе имени: ὁ αὐτὸς ἰουστίνος ἔκτισε τὸν λιμένα εἰς πρόσωπον (= ὄνομα) τῆς γυναικός. См. Дюканжа Gloss. Hr. 'Εκ προσώπων εἰς πρόσωπα — отъ одного къ другому, выраженіе весьма употребительное у Константина. Cerem. pag. 707. lin. 16, 17 и др. Сравни. Прав. Соб. стр. 34. прав. 2. стр. 45, прав. 6 и др.

передачи: стараясь избѣгать употребленія его вообще, переводчики, если когда-либо и употребляли его (впрочемъ, весьма рѣдко), почитали необходимымъ присовокуплять особенное объясненіе, какъ-бы изъ опасенія быть непонятыми. Приведемъ нѣсколько примѣровъ на тотъ и другой случай. Самый обыкновенный способъ перевода πρόσωπον словомъ *человѣкъ*: «εἰ δὲ τὰ τοιαῦτα πρόσωπα ἐν κλήρῳ καταταγῇ — аще же таковыи *человѣцы* впадутъ въ причетъ» ¹⁾. Представимъ болѣе случаевъ буквальнаго перевода того же слова съ объясненіемъ: «εἰ δὲ μὴ εὐρεθείη, ὡς εἰκὸς, τρία πρόσωπα πρὸς τὴν τοιαύτην ἐπιλογὴν — аще не обрящутся, яко же есть подобно, три *лица*, *рекше* *человѣцы* къ таковому избранію» ²⁾. Или: «ἐπὶ γὰρ τοῖς προσώποις ἅτινα εἰς μοναστήρια ἢ ἀσκητήρια εἰσέλθωσιν — о *лицехъ* бо, *рекше* *отроуцехъ*, и о *дѣвицехъ*, *рекше* въ монастыри, или въ постныхъ жилища внидутъ» ³⁾. Вотъ еще примѣръ: «εἰ δὲ ἐγκλημα εἴη τὸ καθ' οἷον δήποτε τῶν μνημονευθέντων ἐδλαβεσάτων προσώπων ἐπιφέρόμενον — аще же грѣхъ будетъ наносимъ на какое-либо отъ преждедеченныхъ *благобоязливыхъ лицъ*, *рекше* на *причетника*» и т. д. ⁴⁾. Послѣ приведенныхъ примѣровъ едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что слово *лице*, въ смыслѣ юридическаго лица, не было употребительно въ древнѣйшемъ нашемъ языкѣ. Каждый разъ, когда оно встрѣчается, вызываетъ переводчика на объясненія и дополненія, а потому мы почитаемъ себя въ правѣ то же

1) Обозр. Кормч. Кн. стр. 67. стат. 47 (прилож.).

2) Ibid. стр. 56. стат. 29.

3) Ibid. стр. 89. Переводчикъ опустилъ мѣстоименіе ἅτινα и перепуталъ все предложеніе.

4) Ibid. стр. 73. стат. 55. Глаголь *ускочитъ* можетъ соотвѣтствовать Греч. ἐκπηδᾶν въ томъ же значеніи. Въ старинномъ переводѣ Кормчей выраженіе: «Ἐπίσκοπον μὴ ἐξεῖναι καταλείψαντα τὴν εαυτοῦ παροικίαν ἐτέρᾳ ἐπιπηδᾶν» переведено: «...и во *ину*ю *преходити*». Въ сходныхъ статьяхъ Русской правды употреблены глаголы: «кроется или убѣжить». Рус. Достоп. II, 33, 49).

слово, употребленное въ договорѣ Олега однажды и какъ бы незамѣтно ускользнувшее отъ вниманія переводчика, почитать буквальнымъ переводомъ Греч. *πρόσπον*.

Заглавіе слѣд. за тѣмъ статьи: «о работающихъ въ Гречѣхъ Руси у Хрестьяньскаго царя», по нашему мнѣнію, заключаетъ въ себѣ смыслъ нѣсколько отличный отъ общепринятаго. Всѣ касавшіеся этого предмета, отъ Татищева и Ломоносова до Соловьева включительно, принимали слово *работать* однозначущимъ съ словомъ *служить*¹⁾, при чемъ всегда разумѣли службу добровольную, даже почетную. Но обращаясь къ древнѣйшимъ нашимъ памятникамъ, мы находимъ, что *работа*, согласно съ своимъ происхожденіемъ, равносильно слову *рабство*, и *работать* всегда означаетъ находиться въ состояніи рабства, рабствовать. Вотъ нѣсколько примѣровъ: «Христіане же избавлени тоя работы» (т. е. плѣна Половецкаго и рабства). Лѣтоп. Переяславс. стр. 79. «А не супротивныя народы (т. е. не могущихъ сопротивляться), жены и дѣти въ работу (т. е. въ плѣнъ и рабство) ввести» и ниже: «и паки начаша погании силу дѣяти на Псковичахъ нападеніемъ и работою» (Новг. IV, 42). «И оттолѣ нача работати Руская земля Татаромъ» (*ibid.* стр. 33). Въ томъ же значеніи встрѣчается оно и въ другомъ мѣстѣ Игорева договора: «или чловѣка поработитъ» (стр. 22). «Прочая люди овыхъ изби а другія работѣ предасть мужемъ своимъ». Лавр. стр. 25. Въ старинныхъ переводахъ Кормчей *работа* переводить слово *δουλεία*, напр.: «τῷ ἰδίῳ δεσπότηι εἰς δουλείαν παραδίδόσθω — своему господину въ работу преданъ будетъ» (Обозр. Кормч. Кн. стр. 69 стат. 50 и др.). Съ другой стороны понятно, что состояніе рабства и плѣна исключаетъ всякое право распоряженія имуществомъ въ случаѣ смерти, потому что такое распоряженіе предполагаетъ самостоятельную юридическую личность, которой рабъ и плѣн-

¹⁾ Или съ выраженіемъ: обязать себя службою, какъ полагаетъ Эверс. Др. Р. Пр. стр. 192.

никъ, очевидно, не имѣютъ. Что подъ *работающими* въ настоящемъ смыслѣ дѣйствительно должно разумѣть рабовъ и плѣнниковъ, свидѣлствуетъ слѣд. статья Игорева договора: «аще ли обрящются Русь *работающе* у Грекъ, аще ли суть *плѣнники*... аще ли *купилъ* будетъ Гръчинъ...» (стр. 21). Если же въ договорѣ Олега съ такою заботливостію, особою статьею, обеспечивается собственность *работающихъ въ Грецѣхъ*, что, въ случаѣ смерти какого-либо изъ нихъ безъ завѣщанія, имущество препровождается въ ихъ отечество, то съ достовѣрностію должно полагать, что слово *работать* въ разсматриваемомъ мѣстѣ имѣетъ особенное значеніе, или скорѣе есть буквальный переводъ какого-либо Греч. слова, имѣющаго какое-либо отношеніе къ понятію *работы*.

Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе весьма употребительный на современномъ договорамъ Визант. языкѣ глаголъ *πραγματεύειν* (*πραγματεύεσθαι*), происходящій отъ *πράγμα* — дѣло, занятіе, трудъ и означающій: *negotiare*, *mercari*, торговать. Отсюда *πραγματεύτης* означаетъ торговца, промышленника ¹⁾. «*Πραγματευταί*, говоритъ Рейске, означаетъ также *agentes in rebus*, *actores rerum Augusti eo, quod cupita et flagitata comparabant, conquirebant, quales sunt profenetae, die Maeckler*» ²⁾. Весьма важно также, что при В. К. Ольгѣ въ Константинополѣ находились *ἀποκριτάριοι*, *πραγματευταί* (которыхъ было 44) и *ἐρμηνεύς* ³⁾. Если бы даже въ настоящемъ случаѣ *πραγματεύεσθαι* и не имѣло частнаго значенія *торговли*, то оно могло относиться ко всѣмъ занятіямъ вообще и, слѣдовательно, означать всѣхъ Руссовъ, прожи-

¹⁾ Ἀρχιπροῖται καὶ πάντες πραγματευταί. Cerem. II. p. 498. lin. 4. «Ita saepe apud novos Graecos», говоритъ Рейске. Commentt. ad cerem. p. 575. Отсюда *πραγματεία negotiatio, mercatura, commercium*.

²⁾ Ibid.

³⁾ Cerem. p. 595, lin. 4. Сравни. Velit. bell. p. 196. lin. 11. Весьма вѣроятно, говоритъ Эверсъ, что подъ *πραγματευταί* надобно разумѣть нашихъ «гостей». Стр. 231.

вавшихъ въ Константинополѣ для какихъ бы то ни было цѣлей. Переводчикъ, не понявъ особеннаго значенія глагола *πραγματεύεσθαι* и соображая единственно его этимологию, неправильно перевелъ его глаголомъ *работать*¹⁾. Что *πραγματεύεσθαι* дѣйствительно можетъ имѣть упомянутое общее значеніе, утверждаетъ и Эверсъ, рассуждая о словѣ *πραγματεία* и полагая, что это послѣднее въ нашихъ договорахъ могло быть переведено словомъ *купля*, касательно значенія котораго мы также не согласны съ лучшимъ изъ толкователей договоровъ.

«Я думаю», говоритъ Эверсъ, «что выраженіе *купля* означаетъ здѣсь не одну торговлю, но вообще дѣло, занятіе. Первое (т. е. торговля) есть тѣснѣйшее знаменованіе *купли*, коимъ слово сіе, съ раскрытіемъ Славянскихъ нарѣчій, ограничено въ новѣйшія времена; послѣднее (дѣло, занятіе) обширнѣйшее, первоначальное значеніе, въ каковомъ оно употреблено и переводчикомъ. Примѣръ сему находится въ 2. Тимоѣ. II. 4, гдѣ переведено словомъ

¹⁾ Приведемъ здѣсь одно мѣсто изъ хронографіи Θεοφάνη, гдѣ *πραγματεύεσθαι* употребляется въ общемъ значеніи *занятія*, *дѣла*: «τὴν τῶν πλείονων μᾶλλον καὶ ὁμοφύλων σωτηρίαν ἐχρῆν πραγματεύεσθαι, ἢ ἐπ' ἀδήλοισ καὶ ἀφανέσι πλουτεῖν», что Анастасій въ своей церковной Исторіи перевелъ такъ: «pro acquirenda tamen pluribus et contribulibus salute oportebat potius decertare», т. е. надлежало лучше *трудиться* (*πραγματεύεσθαι*) надъ приобрѣтеніемъ благосостоянія многихъ. Замѣчательно, что Щербатовъ, кажется, на угадъ, по крайней мѣрѣ безъ всякаго объясненія, переводить такъ разсматриваемое нами мѣсто: «ежели кто изъ Россіанъ, *торгующихъ* въ Греціи, при смерти учинить завѣщаніе»... Нест. Шлец. II, 740. Въ приведенномъ нами примѣрѣ изъ *velit. bell. p. 196. lin. 11.* авторъ говоритъ, что при первомъ случаѣ о нападеніи непріятеля необходимо посылать лазутчиковъ и потомъ прибавляетъ: «*παράχωρεῖν δὲ καὶ πραγματεῦσθαι εἰσερχέσθαι*», откуда видно, что *πραγματεῦσθαι* были въ родѣ странствующихъ промышленниковъ, торговцевъ, которые часто получали разныя порученія отъ своего Правительства и въ такомъ случаѣ исполняли должность пословъ. Нест. Шлец. II, 654. Эверсъ стр. 216—217.

купля *πραγματεία* (занятіе дѣломъ, упражненіе въ чемъ нибудь» ¹⁾). Странно, почему онъ не обратилъ вниманія на значеніе того же слова въ другихъ мѣстахъ договоровъ и представилъ вышеприведенное объясненіе только на основаніи одного мѣста Игорева договора: «аще придуть Русь безъ *купли*, да не взимають мѣсячина» (стр. 21). Соображая же употребленіе слова *купля* во всѣхъ договорахъ, мы замѣчаемъ, что оно довольно разнообразно и означаетъ: 1) торговлю вообще, *Handelsgeschäfte* Шлецера и, слѣдовательно, односмысленно съ *πραγματεία* въ тѣснѣйшемъ смыслѣ. Сюда относятся выраженія: *взимать куплю* (15) и *творить куплю* (21), т. е. вести торгъ, торговать. На современномъ договорамъ Византійскомъ языкѣ также встрѣчаемъ подобное выраженіе — *ποιεῖσθαι τὰς ἐξωνύσεις*, впрочемъ въ болѣе ограниченномъ смыслѣ ²⁾. Въ древнѣйшемъ переводѣ хроники Іоанна Малалы *ἐμπορεύεσθαι* (торговать) переведено: «*куплю дѣяти*» ³⁾. Въ Остромировомъ Евангеліи прилагательное *коупльнѣи* употреблено въ значеніи торговли: «не творите домоу отца моего домоу *коупльнаго* — *οἶκον ἐμπορίου*» ⁴⁾, хотя въ немъ и встрѣчается слово *τῆρῆνικῶν* — торговецъ. Въ Русской Правдѣ встрѣчается также слово *купля* въ значеніи торговли, но, какъ видно, только внутренней, потому что, безъ сомнѣнія, для означенія вѣншей торговли употреблено рядомъ слово *гостьба*: «аже *купѣцъ* кто в *куплю* дастъ куны или в *гостьбу*, то

¹⁾ Древ. Рус. Пр. 215.

²⁾ «Καὶ τοὺς μὲν δυνατοὺς ἐκ δυνατῶν μόνον ποιεῖσθαι τὰς ἐξωνύσεις βουλόμεθα» и ниже: «οὕτως πάλιν ἐκείνους ἀπεῖργμεν τοῦ μὴ ἐκ πενήτων τε καὶ στρατιωτῶν ἀπόρων ποιεῖσθαι τὰς ἐξωνύσεις». Corp. script. Hist. Byzant. p. XI. p. 321. lin. 12–17.

³⁾ «Ἐγένετο ὥστε ναὺς ἐμπορευομένη μακρόθεν: бысть яко и корабль, *куплю дѣиущѣ* издалежа». Предисл. кн. Оболенск. къ лѣтописцу Переясл. Времен. № 9 ст. ХС.

⁴⁾ Остр. Ев. стр. 9, 1. Глаголь же *купить* здѣсь всегда означаетъ покупать — *ἀγοράζειν*.

купцю предъ послухи кунъ не имати» ¹⁾. Впрочемъ, въ Русской Правдѣ встрѣчается и слово *торгъ*, наприм. «вести на торгъ» ²⁾. То обстоятельство, что послѣднее слово во все не встрѣчается ни въ одномъ договорѣ, хотя нужда въ немъ весьма ощутительна, я почитаю новымъ доказательствомъ глубокой древности языка договоровъ, а слѣдовательно и безусловной подлинности послѣднихъ: нѣтъ сомнѣнія, что въ эпоху ихъ перевода еще не начинали своего существованія слова — *торгъ* и *товаръ*, хотя и появились скоро. Такъ, еще Несторъ употребляетъ выраженія: *торгъ дѣяти*, а не *творить*, или *взимать куплю*: «и есть церкви та стоящи въ Корсунѣ градѣ на мѣстѣ (площади) посреди града, идѣже *торгъ дѣють* Корсуняне» ³⁾. Нѣтъ ничего полезнѣе, какъ слѣдить за историческою судьбою cadaго слова по памятникамъ, указывать на послѣдовательное измѣненіе его значеній: такая исторія не только изобразила бы наглядно состояніе Русскаго языка въ каждую эпоху по отношенію къ его матеріалу, но и самую жизнь народа; а сколько устранено было бы сомнѣній и недоразумѣній въ пониманіи многихъ событій въ исторіи народа! Это лучшая и плодотворнѣйшая вѣтвь Славяно-Русской филологіи. 2) Изъ нѣкоторыхъ выраженій договоровъ видно, что слово *купля* означало также и предметъ торговли — *товаръ*, напр.: «спотружаемъся гребцемъ тоя лодья мы Русь и допроводамъ съ куплею ихъ по здорову» (15). Сюда же, вѣроятно, относятся выраженія: «егда ходимъ въ Греки, или съ *куплею*, или въ солбу; аще придуть Русь безъ *купли*, да не взимають мѣсячина». Здѣсь должно сказать то же, что мы сказали по отношенію къ первому значенію, т. е. что отсутствіе слова *товаръ*, замѣненнаго словомъ *купля* есть признакъ глубокой древности языка нашихъ грамотъ. Также какъ *торгъ*, *товаръ* скоро появляется въ древнѣй-

¹⁾ Рус. Дост. II. 43.

²⁾ Ibid. стр. 49.

³⁾ Лаврент. стр. 47.

шихъ памятникахъ, и притомъ съ различными значеніями. Древнѣйшимъ изъ нихъ, безъ сомнѣнія, должно полагать то, въ которомъ это слово употреблено, напр. въ слѣдующемъ выраженіи Нестора: «Володимеръ же приде въ *товары* и посла биричи по *товаромъ*» ¹⁾, т. е. значеніе *стана*. Ближайшее къ этому значенію и, вѣроятно, слѣдовавшее за нимъ по времени — *обозъ*: «а *товаръ* Новгородци князю Дмитрію всь даша» ²⁾; а *товаръ* его всь розграбша» ³⁾. Наконецъ, уже это послѣднее понятіе могло перейти въ понятіе *имущества*, чему примѣровъ весьма много ⁴⁾, а понятіе имущества — получить еще болѣе ограниченное значеніе — *товара*, какъ предмета торговли. 3) *Купля* имѣетъ еще въ нашихъ договорахъ значеніе *покупки* въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «или мнѣтся на дань въ куплю челядина цѣна» и ниже: «и отдана будетъ цѣна его, якоже речено есть, якоже есть *купля*» (15). Итакъ, *торговля*, *товаръ* и *покупка* — вотъ три значенія слова *купля* въ договорахъ, и полагаемъ, что никакъ нельзя не допустить этой тройственности значенія, какъ скоро выйдемъ въ каждое изъ приведенныхъ выраженій въ ихъ связи съ предъидущими и послѣдующими. Эта замѣна трехъ понятій однимъ словомъ, повторяемъ, сильно говоритъ въ пользу древности языка разсматриваемыхъ памятниковъ и указываетъ на ту эпоху, когда торговля еще не вошла въ жизнь народа, не была еще его насущною потребностію, а потому онъ и не успѣлъ образовать словъ для выраженія ея и ея предмета — *товара*. Отсюда видно, что толкованіе Эверсомъ выраженія: «аще придуть Русь безъ купли, да не взимають мѣсячина», нельзя при-

¹⁾ Лаврент. 52. Или въ слѣд. мѣстѣ лѣтописца Переясл.: «и принесоша ѿ лѣ жива въ *товары*», стр. 93.

²⁾ Новг. I. 59.

³⁾ Ibid. 73.

⁴⁾ Того же лѣта роспрѣвшесе убойци Миндовгови о *товарѣ* его. Новг. I. 58. или въ Русской Правдѣ стр. 53, 117 и др. На ново-Чешскомъ языкѣ существуетъ *koupe* имѣетъ значеніе *товара*.

знать справедливымъ. Если и допустимъ, что было время, когда слово *купля* имѣло *обширнѣйшее, первоначальное* значеніе—дѣла, занятія вообще, то нельзя не видѣть, что это время далеко предшествовало эпохѣ составленія договоровъ. Переходимъ къ подобному же обзорѣню вступленія, заключенія и самыхъ статей Игорева договора.

Мы уже замѣтили выше, что Игоревъ договоръ по отношенію къ числу признаковъ, обнаруживающихъ вліяніе Византійскаго элемента вообще, представляетъ рѣзкое отличіе отъ Олегова. Такое замѣчаніе всего болѣе подтверждается разсмотрѣніемъ его отдѣльныхъ словъ и выраженій. Укажемъ здѣсь на главные черты этого отличія: 1) Въ немъ нѣтъ такого обилія рѣзкихъ грецизмовъ, на основаніи которыхъ можно тотчасъ сдѣлать заключеніе о первоначальномъ его происхожденіи; въ немъ не встрѣтимъ, какъ въ Олеговомъ договорѣ, множества насильственныхъ синтаксическихъ построеній, обличающихъ буквальный переводъ; въ немъ не найдемъ ни полнаго титула Византійскихъ Императоровъ, называющихся только «великими царями Гречьскими», ни *свѣтлости* Великаго Князя Русскаго, ни *свѣтлыхъ князей*, ни вообще *сущихъ подъ рукою*. Изъ всѣхъ возможныхъ предположеній о причинѣ такого отличія намъ кажется наиболѣе заслуживающимъ вѣроятія то, что договоръ Олега заключается въ себѣ несравненно болѣе признаковъ официальности, а потому и болѣе возвышенности рѣчи и болѣе частаго употребленія оффиціальныхъ выраженій. Наше замѣчаніе подтверждается заключеніемъ Эверса, сдѣланнымъ съ юридической точки зрѣнія и состоящимъ въ томъ, что на договоръ Игоря должно смотрѣть какъ на дополненіе къ Олегову ¹⁾. 2) Переводчикъ Игорева договора не стѣснялся буквою подлинника, а находилъ въ себѣ довольно силъ, чтобы озаботиться не только чистотою, но и красотою своего языка. Оттого у него нерѣдко встрѣчаются выраженія, подобныя слѣдующимъ: «да не ущи-

¹⁾ Др. Рус. Пр. стр. 146.

тятся щиты своими, и да посѣчени будутъ мечи своими» и проч. Впрочемъ, не должно думать, чтобы Игоревъ договоръ вовсе не заключалъ въ себѣ грецизмовъ по отношенію къ отдѣльнымъ словамъ и выраженіямъ: грецизмы встрѣчаются и въ немъ, хотя и не въ изобиліи, что все равно для вывода общаго заключенія о его происхожденіи: нѣсколько словъ, несомнѣнно переведенныхъ буквально съ Греческаго языка, стольже сильно говорятъ въ пользу переводнаго значенія грамоты, сколько ихъ двойное или тройное число. Постараемся указать на эти грецизмы.

Въ самомъ вступленіи обратимъ вниманіе на слово *объчій*: «и объчій сли». Вникая въ смыслъ выраженія, мы полагаемъ, что его должно относить ко всѣмъ лицамъ вообще, облеченнымъ какою-либо властію въ землѣ Русской, имѣющимъ какое-либо правительственное значеніе. Вѣроятно, подъ *объчими* послами разумѣются послы отъ *святыхъ князей* Олегова договора, или отъ *боляръ*, какъ они переименованы въ Игоревомъ.

Въ заключеніи Игорева договора, начинающемся словами: «мы же съвѣщаньемъ все написахомъ...», мы обратимъ вниманіе на выраженіе: «и едина харатья есть у царства нашего, на ней же есть крестъ и имена наша написана» ¹⁾. Во всемъ договорѣ слово *царство* имѣетъ значеніе Царя и въ этомъ смыслѣ употребляется какъ офиціальныи, общеупотребительный терминъ. Касательно явнаго, несомнѣннаго и притомъ буквальнаго перевода этого слова съ Греч. языка нѣтъ нужды распространять

¹⁾ Особенности въ разсматриваемомъ отношеніи, находящіяся во вступленіи Игорева договора, общія съ особенностями во вступленіи Олегова, указаны выше. Что же касается до слова *нети* (нетій), то мы ничего не можемъ присоединить (да едва-ли и можно) къ превосходному его объясненію Круга; также какъ и онъ мы приравниваемъ его *ἀνεψιός*, подъ которымъ должно разумѣть дѣтей какъ брата, такъ и сестры, а не одной сестры, какъ можно бы было понимать, согласно съ объясненіемъ, находящимся въ Никонов. лѣтописи (V, 88). Kritisch. Vers. etc. p. 210—215.

ся, потому что, безъ сомнѣнія, всякій, кто только внимательно читалъ наши договоры, съ перваго взгляда признавалъ его несвоеземнымъ. Мы укажемъ только на немногіе случаи оффиціального употребленія βασιλεία вм. βασιλεὺς. Въ народныхъ восклицаніяхъ, приводимыхъ Константиномъ, такое употребленіе постоянно ¹⁾. На средне-вѣковомъ Лат. языкѣ то же самое значеніе имѣетъ слово *imperium* ²⁾. Приведемъ здѣсь только одинъ примѣръ, довольно рѣзкій: «ὁ ἱππος, ᾧ ἐποχεῖται ἡ βασιλεία σου, ἐμὸς ἐστίν» ³⁾. «Βασιλεία, говоритъ Дюканжъ, *titulus honorarius, Imperatoribus attributus, cum compellabantur hacce fere formula: τῇ βασιλείᾳ vel βασιλείᾳ σου... Βασιλείας vocabulo ac titulo compellabantur etiam Despotae et Caesares, Imperatorum filii*» ⁴⁾. Изъ приведенныхъ примѣровъ оказывается несомнѣннымъ заимствованіе изъ Греч. подлинника господствующаго во всемъ Игоровомъ договорѣ слова *царство*. Постоянное употребленіе такого слова, даже при отсутствіи другихъ доказательствъ, можетъ одно привести къ заключенію о Греческомъ происхожденіи договора. Намъ остается только сказать, что переводчикъ буквально держался подлинника, не думая о томъ, что слово *царство*, въ упомянутомъ значеніи,

1) Рейске постоянно переводить его словами: *majestas nostra imperialis*, и говорить въ одномъ мѣстѣ: «*potuissem ex formula medii aevi vertere imperium meum*». *Commentt. ad Cerem.* p. 611.

2) Такъ, оно встрѣчается у Люитпранда, pag 12., гдѣ также находится выраженіе: «ἡ ἀγία σου δεσποτεία».

3) *Theoph. Cont.* p. 637. lin. 21.

4) *Matthaeus monachus*, продолжаетъ Дюканжъ, in *catalogo officiorum palatii, de Despota, Sebastocratore et Caesare* οἱ περ ἐπεφημιζουσιν πρόσρησιν βασιλείας». Подъ словомъ βασιλεία. Тотъ же титулъ имѣлъ Никифоръ Вріенній, супругъ Анны Комнены; имъ же именовались Императрицы. Несравненно рѣже въ томъ же смыслѣ употребляется βασιλειον; Дюканжъ приводитъ только два примѣра его употребленія. Объ употребленіи же множеств. числа при βασιλεία, перешедшаго и въ нашъ договоръ, говорили выше.

не имѣть никакого смысла на языкѣ, на который онъ переводилъ. Не такъ передаютъ это слово древнѣйшіе переводы Кормчей: вездѣ, гдѣ ни встрѣчается въ подлинникѣ βασιλεία, въ переводѣ видимъ: «царь», напр.: «καὶ οὕτως συνεσιέναι πρὸς τὴν βασιλείαν αὐτοῖς» переведено: «и тако потомъ съ ними восходити къ цареви» ¹⁾).

Конца разсматриваемаго предложенія нѣтъ въ Лаврент. списокѣ, равно и начала слѣдующаго: «а отходяче со словъ царства нашего», но и то и другое, по всей вѣроятности, должно входить въ грамоту. Согласно съ формами, которыя соблюдались при составленіи документовъ этого рода, весьма естественно могло быть упомянуто въ настоящемъ случаѣ о крестѣ и о подписѣ по словъ. Крестъ составлялъ необходимую принадлежность подобныхъ грамотъ и былъ общеупотребительнымъ способомъ ихъ скрѣпленія; его изображеніе служило символомъ imperatoris christianissimi и вмѣстѣ постоянно напоминало клятву, данную въ сохраненіи запечатлѣнныхъ имъ мирныхъ постановленій. Изображать крестъ на дипломатическихъ и вообще юридическихъ актахъ было даже особенностію Визант. двора, а потому выраженіе договора: «на ней же есть крестъ и имена наша написана», какъ сохранившее эту особенность, служить новымъ доказательствомъ подлинности грамоты, а вмѣстѣ и ея переводнаго значенія. Крестъ часто замѣнялъ собою даже подпись и былъ такимъ образомъ единственнымъ средствомъ скрѣпленія. «Cruce subscribere, говорить Дюканжъ, seu signum crucis subscriptionis vice chartis et instrumentis apponere...» ²⁾. Отсюда произошло слово σταυροπατία—

¹⁾ Обзор. Кормч. Кн. Прилож. стр. 26, 27 и т. д.

²⁾ Дюканжъ Gloss. Lat. подъ словомъ *cruce*. Примѣровъ, гдѣ говорится объ изображеніи крестовъ для скрѣпленія грамотъ, множество. Такъ, одинъ изъ продолжателей Теофана говорить: «καὶ βάψαντες ὁ τε βασιλεὺς καὶ ὁ Βασιλεὺς τοὺς τιμίους ὑπέγραψαν σταυροῦς, ἕρχη βεβαιοῦντες» Theoph. Cont. p. 829. lin. 17. Сравн. Дюканжа Gloss. gr. подъ словомъ σταυρός.

клятвопреступленіе и *σταυροπάτης* — клятвопреступникъ. О существовавшемъ обычаѣ подписывать свои имена подъ разными актами почитаю излишнимъ говорить, какъ о предметѣ общеизвѣстномъ. Такъ какъ крестъ только для Христіанъ могъ служить знакомъ удостовѣренія, то понятно, почему его не изображали на грамотахъ, назначенныхъ къ язычникамъ. Оттого-то въ другомъ экземплярѣ грамоты, въ *другомъ свѣщаньи*, сказано только: «на ней же суть имена наша написана», что также служитъ важнымъ доказательствомъ ея подлинности. — Другой способъ скрѣпленія грамотъ есть *клятва*. Въ Игоровомъ договорѣ она выражена такъ: «мы же, елико насъ хрестилися есмы, кляхомъся церковью святаго Ильѣ въ сборнѣй церкви, и подлежащемъ честнымъ крестомъ, и харатьею сею, хранить все..», совершенно согласно съ употребленіемъ клятвы на востокѣ и западѣ у Христіанъ. Такъ, во первыхъ—клятва совершалась въ храмахъ: «*sacramenta in ecclesiis peragebantur*» ¹⁾; во вторыхъ, между многими родами клятвъ, клятва честнымъ крестомъ была первою, важнѣйшею и дѣйствительнѣйшею ²⁾. Изъ сказаннаго видно, что договорная грамота Игоря скрѣплена была согласно съ обычаями, господствовавшими въ Визант. Имперіи. Самое выраженіе: «подлежащемъ честнымъ крестомъ» соотвѣтствуетъ подобнымъ же, весьма часто встрѣчающимся у Визант. писателей выраженіямъ, напр.: «*προκειμένῳ τῷ ἁγίῳ εὐαγγελίῳ γενέσθαι τὴν ἐπι-*

¹⁾ Дюканжъ Gloss. Lat. II, 880.

²⁾ Дюканжъ въ приведенномъ мѣстѣ перечисляетъ разные роды клятвъ: *sacramentum super crucem, super altare, super canonem ecclesiae, super sanctas reliquias etc.* Между клятвами, употреблявшимися тогда въ Имперіи, упоминается иногда у писателей Визант. *ἑράφος ὄρκος*, которая, вѣроятно, равняется нашей присягѣ, т. е. клятва съ письменнымъ изложеніемъ ея предмета. «*Quae quidem scripto concepta sacramenta, говоритъ Дюканжъ, eandem vim habent, quam quae corporaliter praestita, ita ut qui ea infringit perjurus aequè sit ac alter.*» Gloss. Lat. подъ словомъ *jurare*.

λογήν ¹⁾), προκειμένων τῶν ἁγίων εὐαγγελίων, κινδύνῳ τῶν ἰδίων ψυχῶν — подлежащу святому евангелію кле- нутся въ бѣду своихъ душъ» и проч. ²⁾).

Изъ отдѣльныхъ словъ и выраженій въ самыхъ ста- тьяхъ укажемъ здѣсь прежде всего на глаголь *уведѣсти*, въ смыслѣ опредѣлить, постановить, рѣшить: «нынѣ же увѣдѣлъ есть князь вашъ послати грамоту ко царству нашему». Съ одной стороны то, что такое значеніе вовсе не оправдывается нашими древнѣйшими памятниками, въ которыхъ *уведѣсти* всегда заключаетъ въ себѣ понятіе *знанія*, съ другой— сходство въ употребленіи однознаме- нательнаго глагола на Визант. языкѣ побуждаютъ насъ признать его буквальный переводомъ съ Визант. подлин- ника. Дѣйствительно, глаголы: γινώσκειν, διαγινώσκειν, εἰδέναι, прямо соотвѣтствующіе нашимъ *вѣдѣти* и *уведѣ- сти*, на современномъ договорамъ Визант. языкѣ почти постоянно употребляются въ смыслѣ: *постановить*, *рѣ- шить*, *decernere*, *statuere*. Вотъ нѣсколько примѣровъ безъ всякаго выбора: «ἔγω μὴκέτι διαμέλλειν καὶ τὸν καιρὸν κατατρίβειν» ³⁾. Или: «ἔγω οὖν αὐτίκα νεωτερί- ζειν» ⁴⁾. Въ томъ же значеніи употребляется διαγινώ- σκειν, напр.: «ἐξουδαῶσαι πόλιν διέγνωκε» ⁵⁾ и εἰδέναι: «συνεῖδε μὴκέτι διαμέλλειν ἢ ῥαθυμεῖν» ⁶⁾. Значеніе гла- гола εἰδέναι на Визант. языкѣ еще обширнѣе: «solent Graeci recentiores maxime, говорить Рейске, *verbum οἶδε novit pro εἰωθε consuevit adhibere*» ⁷⁾.

¹⁾ Cerem. I, 419. lin. 20.

²⁾ Обзор. Кормч. Кн. Прилож. стр. 55, 62 и др.

³⁾ Leo Diac. I, 10.

⁴⁾ Ibid. p. 31 etc.

⁵⁾ Theoph. p. 59. lin. 5. p. 60. lin. 10 и др.

⁶⁾ Leo Diac. VII, 116. lin. 20.

⁷⁾ Commentt. ad Cerem. p. 5. *Мѣсячина* и *мѣсячное*, какъ опредѣленное содержаніе, которое получали послы и гости въ Византіи, вѣроятно, есть переводъ Греч. *μηνάια*, *μηναιορόγιον*, или *μηνάια*, *μηνίσαι ἀνῶναι*, Сравни. Нест. Шлѣц. II, стр. 655 —6. Эверсъ стр. 214.

Выраженія: *царевъ мужъ* и *мужъ царства нашего*, т. е. нашъ мужъ, также представляются буквальнымъ переводомъ Греч. *ἄνθρωπος βασιλέως, ἄνθρωπος τῆς ἡμετέρας βασιλείας* (= ἡμῶν). Подъ ними, конечно, должно разумѣть особыхъ царскихъ чиновниковъ. Не смотря на частое употребленіе слова *мужъ*, въ смыслѣ почетнаго сановника, въ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ, въ настоящемъ случаѣ, въ соединеніи съ выраженіемъ: *царства нашего*, явно обличающимъ буквальный переводъ, оно прямо указываетъ на Греч. *ἄνθρωπος*, также весьма употребительное у Визант. писателей въ разныхъ значеніяхъ, напр.: слуги (*famulus*), вассала: «*Δέδωκε δὲ Σαρωνᾶς Κωνσταντῖνον, ἄνθρωπον αὐτοῦ, τὸν δουλεύσαντα πρότερον Βασιλεῖφ μαγίστρφ καὶ ἐπὶ τοῦ κανικλείου δουλεύειν Ζωῇ Ἀγούστῃ*» ¹⁾; «*πεῖθει παραχρῆμα ἄνθρωπον αὐτοῦ γενέσθαι, τὸν τοῖς Λατίνοις συνήθη ὄρκον ἐπομοσάμενον*» ²⁾. Въ другомъ мѣстѣ Алексіады *ἄνθρωπος* объясняется словами: *λίξιος οἰκέτης, ὀποχείριος* ³⁾; употребляется также и въ значеніи нашихъ древнихъ мужей. Константинъ, описывая угощеніе Ольги, говорить: «*ἐν δὲ τῇ χρισотρικλίνῃ γέγωνεν ἕτερον κλητόριον καὶ ἔφαγον ἀποκρισιάριοι τῶν ἀρχόντων Ρωσίας, καὶ οἱ ἄνθρωποι καὶ συγγενεῖς τῆς ἀρχοντίσσης καὶ οἱ πραγματευταί*» и ниже: «*οἱ ἄνθρωποι τοῦ Σφενδοσθλάβου*» ⁴⁾. Въ другихъ мѣстахъ того же сочиненія упоминаются прямо *βασιλικοὶ ἄνθρωποι*, напр.: «*οἱ λοιποὶ τῆς συγκλήτου μετὰ τῶν βασιλικῶν ἀνθρώπων*» ⁵⁾, — въ переводѣ «*homines imperiales*»; здѣсь они упоминаются въ числѣ изъятыхъ отъ военной службы. Въ разсматриваемыхъ мѣстахъ договора подъ *царевымъ мужемъ* и *мужемъ царства нашего*, безъ сомнѣнія, нельзя разумѣть какого-либо ближайшаго и довѣреннѣйшаго

¹⁾ Georg. monach. p. 869. lin. 1.

²⁾ Alexiad. lib. 10. p. 289.

³⁾ См. Дюканжа Gloss. Gr. подъ словомъ *ἄνθρωπος*,

⁴⁾ Cerem. II, 597.

⁵⁾ Cerem. II, 600. lin. 12. p. 697. lin. 21 и проч.

сановника Императора, а простаго Императорскаго чиновника, имѣвшаго обязанность осматривать купленные иностранцами ткани. Этотъ осмотръ имѣлъ цѣлю ограничить покупку, какъ по отношенію къ количеству, въ чемъ удостовѣряютъ насъ слова Игорева договора: «да не имѣють волости купити поволокъ лише по 50 золотникъ», такъ и по отношенію къ качеству (*ποσότητα καὶ ποιότητα*), что узнаемъ изъ слѣд. словъ Лютипранда: «et quoniam te in decorem suum quaedam palia (паволоки) emis- se putamus, ut in medium proferantur, edicimus, quae sunt vobis digna, plumbea notentur bulla vobisque sinan- tur¹⁾, quae vero *καλοῦμενα*, id est nationibus omnibus, prae nobis Romanis, prohibita, pretio reddito auferan- tur»²⁾. Что касается до слова *крѣнетъ*, то, безъ сомнѣ- нія, должно полагать, что оно означаетъ *купитъ*. Это предположеніе подтверждается а) тѣмъ, что купить нахо- дится во всѣхъ спискахъ, кромѣ Лаврент., б) совершенно соответствующимъ выраженіемъ Лютипранда: «...quo- niam te... quaedam pallia emissee putamus... plumbea no- tentur bulla vobisque sinantur» и с) такимъ же значе- ніемъ глагола *крѣнетъ*, находящагося въ Русской правдѣ, въ статьѣ о холопствѣ: «аже кто *крѣнетъ*³⁾ чюжь хо- лопъ не вѣдая, то пѣрвому господину холопъ пояти, а оному куны имати, ротѣ ходивше, яко не вѣдая есмь *купилъ*»⁴⁾. Ясно, что здѣсь одинъ и тотъ же писецъ въ одномъ случаѣ употребилъ *крѣнетъ*, а въ другомъ, совер- шенно томъ же смыслѣ, *купитъ*.

Нельзя не остановиться также на выраженіи: «и да *возвѣрацуются съ спасеніемъ* въ страну свою». Какъ по-

¹⁾ Отмѣченные слова почти буквально соответствуютъ словамъ договора: «и тоѣ запечатаеть и дасть имъ».

²⁾ Legat. Luitpr. ad Niceph. Phoc. Corp. scriptt. Hist. Byzant. XI, 366.

³⁾ Варіанты: *крѣнетъ* — сп. Котельницк., *коупитъ* — Бе- кетова.

⁴⁾ Русск. Достоп. I, 57.

нимать слова: *сѣ спасеніемъ*? Означаютъ-ли онѣ: безопасно, благополучно, здорову, или: сѣ охраненіемъ, сѣ прикрытіемъ, сѣ проводникомъ? Обращаясь къ толкователямъ договоровъ, мы видимъ, что бѣльшая ихъ часть держалась послѣдняго мнѣнія, слѣдовательно—придавала слову *спасеніе* особенное, переносное значеніе. Такъ, Татищевъ и Елагинъ переводятъ — *сѣ письмомъ* (грамотою, паспортомъ), Ломоносовъ—*сѣ прикрытіемъ Греческимъ* ¹⁾. Этому же мнѣнію слѣдуетъ и Эверсъ ²⁾, между тѣмъ какъ Шлецеръ переводитъ *безопасно* ³⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что подъ *спасеніемъ* здѣсь должно разумѣть *проводниковъ*, охранительный отрядъ, прикрытіе, что подтверждается: 1) тѣмъ, что не только въ Византійскомъ, но и въ другихъ государствахъ существовалъ обычай охранять сѣ величайшею заботливостію иностранныхъ пословъ на пути, для чего назначались особыя лица, снабженные инструкціями отъ своихъ Государей; 2) въ разсматриваемомъ мѣстѣ упомянуто о снабженіи на дорогу пищею, необходимыми для плаванія матеріалами, и въ заключеніе говорится о *проводникахъ*, какъ о предметѣ, наиболѣе необходимомъ. Какое же значеніе имѣло бы выраженіе *сѣ спасеніемъ*, если бы мы признали справедливымъ переводъ Шлецера? Что значить: «пусть возвращаются *безопасно* въ страну свою», когда не упоминается о средствахъ для этой безопасности? Тѣмъ не естественнѣе въ дипломатическомъ актѣ выраженіе: по здорову, благополучно, и, наоборотъ, тѣмъ несомнѣннѣе другое объясненіе, что оно 3) находитъ себѣ полное оправданіе на Византійскомъ языкѣ. Мы сѣ увѣренностію полагаемъ, что переводчикъ имѣлъ передъ глазами выраженіе: *μετὰ διασώσεως*, или *μετὰ διασώστη* и буквально его перевелъ: *сѣ спасеніемъ*, между тѣмъ какъ подъ тѣмъ и другимъ разумѣются проводники, упомянутое прикрытіе. Слова: *διασώζειν*, *διάσω-*

¹⁾ Несторъ Шлецера III, 132.

²⁾ Др. Рус. Прав. стр. 219.

³⁾ Нест. Шлец. III, 131.

εις и διασώστης, въ смыслѣ охраненія на пути, на Византійскомъ языкѣ были какъ-бы техническими и до того употребительными, что одно изъ нихъ (διασώστης) перешло даже въ средневѣковой Латинскій языкъ. Вотъ объясненіе Дюканжа: «διασώζειν — *conducere, salvum et incolumem praestare. Hinc vox διασώζειν nude usurpata, pro deducere*», при чемъ приводится слѣдующій примѣръ: «καὶ οὕτω κατελθόντες τοῦ παλατίου καὶ ἐπιβάντες τῶν ἱππῶν διεσώσαμεν τὸν Πατριάρχην εἰς τὴν ἐτοιμασθεῖσαν αὐτῷ οἰκίαν». «Διάσωσις, продолжаетъ Дюканжъ, *conductus*: «καὶ καστελλάτους καράβους παρασχεθῆναι εἰς διάσωσιν αὐτῶν, πρὸς τὸ πάντῃ ἀβλαβεῖς καὶ ἀκινδύνους ἀποκατασθῆναι πρὸς ὑμᾶς. Διασώστης — *conductor, ductor*: διασώσται и διασώζοντες τὸ στράτευμα in Nov. etc.». «Ipse jam Sophocles, говоритъ Рейске, σωτήρ dicit pro comite itineris, qui peregrinatum salvum et sospitem eo, quo destinatio fert, traducit» ¹⁾. Лютиправдъ, епископъ Кремонскій, посолъ Императора Оттона къ Никифору Фоѣ, въ описаніи своего посольства два раза упоминаетъ о спутникахъ, назначенныхъ отъ Императора Византійскаго для охраненія его во время пути, при чемъ однажды приводитъ даже слово διασώστης, какъ общепотребительное: «sicque nimis, ut res poscebat, turbatus, διασώστη, *id est ductori meo, quinquaginta aureorum res pretio dedi*» и на слѣдующей страницѣ: «Naupactum egres-sus biduo ad Offidarim fluvium usque perveni, est *meis comitibus non in naviculis, quae eos capere non poterant residentibus, sed secus littus pergentibus*» ²⁾.

Въ выраженіи: «а о Корсуньстѣй странѣ, еликоже есть городовъ на той части» слово *часть* намъ представляется также переводомъ Греческаго μέρος, какъ по причинѣ неупотребительности его въ этомъ значеніи въ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ, такъ, наоборотъ, по причинѣ весьма частаго употребленія μέρος вмѣсто χώρα

¹⁾ Comment. ad cerem. p. 393. Νύμφαι νόστον σώττειραι.

²⁾ Legat Luitpr. pag. 367 и 368.

на Византійскомъ языкѣ. «Μέρος, говоритъ Рейске, saepe Graecis novis pro *plaga, tractu* ponitur» ¹⁾. Въ вышеупомянутыхъ отрывкахъ перевода хроники Іоанна Малалы μέρος, въ значеніи χώρα, Славянскій переводчикъ передаетъ словомъ *страна*: «ὁ δὲ καῖσαρ ὁ δικτάτωρ μετὰ τὸ φονευθῆναι τὸν Κράσσον, παραληφθέντα ὑπὸ Περσῶν πολέμῳ ἐν τοῖς Περσικοῖς μέρεσιν ἔμεινε πολέμῳ μετὰ τοῦ πλείθους αὐτοῦ ἐν τοῖς μέρεσι τῆς δούσεως — по оубіеніи же Іерокана, ята Пръсы на сѣчи въ Пръскыхъ странахъ, бѣ воюя с вои своими западняя страны». Въ другомъ мѣстѣ: «καταλιπὼν τὰ δυτικὰ μέρος ἔπὶ τὴν ἀνατολὴν ἐξώρμησε — оставивъ западняя страны на вѣсточныя устремися» ²⁾. Въ другихъ мѣстахъ договора переводчикъ могъ переводить μέρος словами: страна, власть, отступая отъ первоначальнаго, буквального значенія ³⁾. Доказательствомъ же того, что слово *часть* въ упомянутомъ смыслѣ, не принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ, общеупотребительныхъ значеній, служить и то, что нѣкоторые переписчики замѣнили его, какъ неупотребительное, словомъ *страна* ⁴⁾. Кромѣ того два раза въ разсматриваемомъ предложеніи слово *страна* употреблено въ единств. числѣ и однажды во множеств. чи-

¹⁾ Comment. ad cerem. p. 233.

²⁾ Временникъ. № 9, стр. XLI.

³⁾ Замѣчательно, что въ древнѣйшихъ памятникахъ слово *страна* иногда употребляется въ смыслѣ *чуждой страны*, напр. «и възложи сему (Антонію) Богъ въ сердце *въ страну* ити, онъ же устремися въ Святую Гору» (Лавр. 67). Въ другомъ мѣстѣ: «се же прообрази, яко иностраннии бѣша преже суша, а Жидове руно, послѣ же *на странахъ* роса, еще есть святое крепенье, а на Жидѣхъ суша» (Ibd. стр. 45). Должно полагать, что это значеніе есть древнѣйшее, хотя въ той же лѣтописи слово *страна* означаетъ и *сторону* (Seite): «по обѣма странама» стр. 82. Переходомъ отъ перваго значенія ко второму было, вѣроятно, то, которое мы видимъ, напр. въ слѣдующемъ мѣстѣ Несторовой лѣтописи: «начахъ тужити, еда како *на страну* (въ сторону) копаемъ». стр. 90.

⁴⁾ Радз. и Тр. списки.

слѣ, между тѣмъ какъ во всѣхъ случаяхъ оно, очевидно, относится къ одной странѣ Корсунской. Нѣтъ сомнѣнія, что и составитель Греческой договорной грамоты, во избѣжаніе частаго повторенія слова *χώρα* (его должно было повторить 4 раза на двухъ строкахъ), употребилъ раза два *μερῶν*, чему послѣдовалъ и нашъ переводчикъ, только не совсѣмъ послѣдовательно, а именно: въ одномъ случаѣ онъ употребилъ слово *часть* въ единств. числѣ, вмѣсто множественнаго, а въ другомъ, вѣроятно, то же *μερῶν* перевелъ *страны*, вмѣсто *страна*. Эта-то непослѣдовательность переводчика и ввела въ заблужденіе нѣкоторыхъ толкователей содержанія договоровъ, въ особенности Эверса, основавшаго свое толкованіе на множественномъ числѣ — *страны* и на очевидно неправильномъ чтеніи *вспѣхъ* вмѣсто *тѣхъ*. Вотъ переводъ Эверса: «что касается Херсонской страны, то Русскіе Князья да не присвоиваютъ себѣ ни малѣйшей власти *надъ вспѣи ея городѣми*; не возбраняется воевать во всѣхъ тамошнихъ мѣстахъ (!), только да не покоряютъ сей страны» (стр. 226). Мы не можемъ согласиться съ этимъ толкованіемъ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) потому что приняты въ соображеніе позднѣйшіе списки и не обращено никакого вниманія на древнѣйшіе. Эверсъ даже и не упомянулъ объ нихъ. 2) Неизвѣстно почему, опущено мѣстоименіе *той* — «на той части» (сторонѣ Радз. и Тр.), между тѣмъ какъ оно находится во всѣхъ спискахъ. 3) Выраженіе: *имати волость* или *власть* весьма употребительно въ Игоровомъ договорѣ, но изъ четырехъ мѣстъ, въ которыхъ оно встрѣчается, ни въ одномъ не употреблено отдѣльно, независимо, самостоятельно, безъ всякаго ближайшаго опредѣленія ¹⁾, какъ то допускаетъ Эверсъ (не присвоиваютъ себѣ ни малѣйшей власти). Понятно, что это выраженіе есть буквальный переводъ Греческаго ἐξουσίαν ἔχειν, и, какъ послѣднее всегда требуетъ при себѣ опре-

¹⁾ Не имѣютъ волости купити, не имѣютъ власти зимовати (дважды), не имѣютъ власти казнити.

дѣленія, такъ и первое имѣетъ его вездѣ, гдѣ ни встрѣчается. То же должно сказать о томъ же выраженіи и въ разсматриваемомъ мѣстѣ. Если мы въ столь древнѣйшихъ памятникахъ, каковы наши договоры съ Греками, почти на одной страницѣ находимъ повторяющимся четыре раза одно и то же выраженіе, всегда въ одномъ смыслѣ, всегда съ одними и тѣми же условіями, всегда съ неизмѣнно сопровождающимъ его ближайшимъ опредѣленіемъ,—то рѣшительно не имѣемъ никакого права поэтому, среди ихъ находящемуся, точно такому же выраженію придавать особенное значеніе въ угоду напередъ взятой мысли, лишая его упомянутого опредѣленія, когда оно и въ этомъ случаѣ очевидно его сопровождаетъ. Такое опредѣленіе вмѣсто неокончательнаго наклоненія здѣсь выражено только сослагательнымъ: «да не имать волости Князь Рускій *да воюетъ* на тѣхъ странахъ». Различіе въ формѣ опредѣленія нисколько не будетъ насъ затруднять, какъ скоро мы обратимъ вниманіе на другія выраженія того же договора, въ которыхъ употреблено сослагательное наклоненіе, вмѣсто неокончательнаго, также, повидимому, безъ всякой нужды, напр. «достойно есть да взворотити; подѣ хрестомъ достойтъ ему да возьметъ цѣну свою». Равно и въ другихъ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ, вмѣсто общеупотребительной конструкціи съ неокончат., встрѣчается конструкція съ сослагательнымъ наклоненіемъ, напр.: «тоже блудящаго по Божию закону достойтъ да отдастся Божиимъ рабомъ» ¹⁾. Нѣтъ ничего удивительнаго, если переводчикъ, можетъ быть даже для разнообразія, и здѣсь употребилъ сослагательное, вмѣсто неокончательнаго наклоненія, тѣмъ болѣе, что и по Гречески могло быть сказано: *ὅτι ἔχῃ ἐξουσίαν, ἵνα πολέμῃ* вмѣсто *πολεμεῖν*, какъ могло быть: *πρέπει (ἄξιον ἐστί), ἵνα ἀποδῇ*, вмѣсто *ἀποδοῦναι* и *πρέπει, ἵνα λάβῃ*, вмѣсто *λαβεῖν*. 4) Притомъ, какъ обнаженнымъ, неестественнымъ представляется предложеніе: «да воюетъ на всѣхъ стра-

¹⁾ Русск. Достоп. II, 149. Узак. Конст.

нахъ», если только мы допустимъ толкованіе Эверса ¹⁾! Оно какъ-бы безъ цѣли вброшено въ средину другаго предложенія, между тѣмъ какъ мысль, въ немъ заключающаяся, такъ важна, что, если бы требовалось ее высказать, она заняла бы весьма почетное мѣсто въ договорѣ, составила бы особую статью. На основаніи представленныхъ доказательствъ, мы не соглашаемся съ толкованіемъ Эверса и, опираясь главнымъ образомъ на сближеніе съ Византійскимъ языкомъ, признаемъ единственно справедливымъ слѣдующій переводъ статьи: «О Корсунской странѣ ²⁾. Сколько ни находится въ странѣ городовъ, Русскій Князь не имѣетъ власти воевать тамъ, и та страна не покоряется вамъ». Впрочемъ, Эверсъ, кажется, и самъ сознавалъ *излишнюю замысловатость* своего толкованія; по крайней мѣрѣ почелъ необходимымъ присовокупить: «равно нельзя находить *страннымъ* и рѣшительное объявленіе Грековъ, что если Русскіе Князья будутъ оставлять въ покоѣ и неприкосновенности Херсонскую область, то, впрочемъ, они могутъ воевать во всѣхъ тамошнихъ мѣстахъ...» ³⁾.

Въ слѣдующихъ статьяхъ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ заключаютъ въ себѣ почти буквальное повтореніе статей Олегова договора, напр. объ убійствѣхъ и о побояхъ, мы укажемъ только на особое значеніе слова *велѣтъ* въ выраженіи: «и велѣмъ Князю Рускому, да ихъ не пущаетъ пакостить странѣ той». Уже давно толкователи содержанія договоровъ обращали вниманіе на неумѣстность

¹⁾ Въ такомъ случаѣ должно бы также ожидать послѣ этого предложенія союза *а*, а не *и*, т. е. слѣдующее чтеніе: «да воюють на тѣхъ странахъ, *а* та страна не покарается вамъ».

²⁾ Это есть одно изъ многихъ заглавій, о которыхъ мы говорили выше.

³⁾ Шлецеръ хотя признавалъ справедливымъ то же чтеніе, однако ограничился слѣдующимъ переводомъ: «въ разсужденіи Херсонской земли, надъ всѣми тамошними городами да не имѣютъ Русскіе Князья никакія власти, *да не воюють силъ земель* и не покарютъ ихъ себѣ». Несторъ III, 149.

этого выраженія и предлагали различныя объясненія. Упомянемъ о важнѣйшихъ. Такъ, Шлецеръ, по обыкновенію, догматически и рѣзко рѣшаетъ дѣло слѣдующими словами: «повелимъ? Кіевскіе послы навѣрное не потерпѣли бы этого слова. Смѣшная описка: *велимъ* вм. *великому*» ¹⁾, тогда какъ въ своемъ переводѣ удерживаетъ *повелимъ*, хотя и подѣ сомнѣніемъ. Понятно, что упомянутой описки допустить никакъ нельзя, какъ скоро не хотимъ допустить безсмыслицы. Карамзинъ умолчалъ объ этомъ словѣ, ограничиваясь общимъ выраженіемъ статьи: «Князь Русскій да не пускаетъ черныхъ Болгаровъ воевать въ странѣ Херсонской» ²⁾. Эверсъ обратилъ болѣе вниманія на слово *велимъ* и далъ ему довольно точное объясненіе. На стр. 230 онъ говоритъ: «выраженіе *велимъ* отнюдь не имѣетъ такого повелительнаго тона, какъ это представлялось Шлецеру: *велѣтъ* на Славянскомъ языкѣ первоначально значить: хотѣть, желать (*велѣтъ*, *волитъ* и *воля* суть слова сходныя между собою), и, слѣдовательно, здѣсь употребленъ только другой оборотъ для выраженія согласія на принятіе договорнаго условія, а можетъ быть и одна нужда заставила прибѣгнуть къ сему выраженію, дабы перевести Греческое *κελεύειν*, для ко-его не доставало въ Славянскомъ вполнѣ соотвѣтствующаго выраженія». Отсюда видно, что Эверсъ дѣлаетъ два предположенія, и, конечно, каждое изъ нихъ не лишено значительной степени вѣроятія. Постараемся дополнить и то и другое предположеніе и, сколько возможно, согласить.

Глаголы *велѣти* и *повелѣти*, не только по сродству своему съ словами: *воля*, *волити*, но и по употребленію въ древнѣйшихъ памятникахъ, дѣйствительно, не заключали въ себѣ строго-повелительнаго тона. Такъ, въ Остромировомъ Евангеліи стр. 104. 1. *велѣти* имѣетъ значеніе *позволить*: «Господи, повели ми древле шедъшу по-

¹⁾ Несторъ Шлец. III, 166.

²⁾ Ист. Гос. Росс. I, 153.

гresti отца моего»; въ Греческомъ текстѣ употребленъ глаголь ἐπιτρέπειν (ἐπιτρέφειν μοι). Въ томъ же значеніи и съ тѣмъ же соотвѣтствующимъ ему глаголомъ въ Греческомъ текстѣ оно встрѣчается на стр. 99. 1. 195. 1. Изъ этого значенія происходитъ другое: учредить, утвердить, постановить что-либо по своей волѣ, согласно съ своимъ желаніемъ; оно также часто повторяется въ Остромировомъ Евангеліи (стр. 101. 4, 156. 4, 204. 1) и тогда имѣть соотвѣтствующими себѣ въ Греческомъ текстѣ глаголы: τάσσειν, διατάσσειν, ἐπιτάσσειν, συντάσσειν ¹⁾. Отсюда уже могло произойти значеніе — повелѣвать, приказывать въ тѣснѣйшемъ смыслѣ. Весьма замѣчательно также, что въ старинныхъ переводахъ Кормчей встрѣчается глаголь *повелѣтъ* въ смыслѣ: *побуждать, вызывать, приглашать* и въ такомъ случаѣ соотвѣтствуетъ Греческому ἐπιτρέπειν. Представлю здѣсь одинъ примѣръ: въ статьѣ 49-й, касательно пожертвованій въ пользу церкви, сказано: «οὐ μόνον οὐ καλῶμεν τοῦτο γίνεσθαι, ἀλλὰ καὶ μᾶλλον ἐπιτρέπομεν αὐτόν», что переведено такъ: «сему не токмо возбраніемъ бывать, но и паче *повелѣваемъ* имъ таковая за спасеніе души своя творити» ²⁾. Приведу также выраженіе, находящееся въ одной статьѣ (о конѣ) такъ называемыхъ узаконеній Константина: *аще кто бес повелѣннѣ на чюжемъ конѣ ездитъ*» ³⁾, т. е. безъ позволенія, безъ изъявленія воли, желанія, согласія на то хозяина. Въ соотвѣтствующемъ на то выраженіи Русской Правды вмѣсто *бес повелѣннѣ* читаемъ—*непрошавъ* (аще кто всядетъ на чюжъ конь непрошавъ) ⁴⁾. Замѣчательно также употребленіе глаголовъ *повелѣти* и *велѣти* въ поученіи Владиміра Мономаха: «Господи! егда повелиши

¹⁾ Повелѣвая — τὰ διαταχθέντα (113. 2), повелѣніе—δόγμα (249. 3).

²⁾ Въ лат. переводѣ повелѣваемъ выражено — *invitamus*. Обзор. Кормч. Кн. Прилож. стр. 68.

³⁾ Русск. Достоп. II, 166.

⁴⁾ Ibid. стр. 34, 179.

(т. е. когда Тебѣ угодно), то вспоютъ» ¹⁾). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что *повелѣти* въ древнѣйшихъ памятникахъ дѣйствительно имѣетъ значеніе: позволить, изъяснить волю, желаніе, согласіе и т. д., что это значеніе есть древнѣйшее, а слѣдовательно свидѣлствуетъ о глубокой древности языка договоровъ, бывъ, очевидно, употреблено въ томъ же смыслѣ. Въ такомъ случаѣ *велимъ* можетъ соотвѣтствовать извѣстному на юридическомъ Византійскомъ языкѣ выраженію—*βουλόμεθα*, означавшему желаніе, *волю* Императоровъ по отношенію къ подданнымъ, равнявшіяся, конечно, требованіямъ, повелѣніямъ, напр. «ὅτω καὶ τὸ δημόσιον ἀνεπηρέαστον μένειν βουλόμεθα» ²⁾ и проч. Въ томъ же самомъ смыслѣ, даже по отношенію къ тѣмъ же самымъ предметамъ, употребляются глаголы: *θεσπίζειν*, *κελεύειν*, такъ что послѣднее на юридическомъ языкѣ совершенно равняется *βουλόμεθα* ³⁾. Если же выраженіе *κελεύομεν* безразлично замѣнялось *βουλόμεθα* и наоборотъ, то понятно, что глаголѣ *κελεύειν* на современныхъ договорамъ Византійскомъ языкѣ также не заключалъ въ себѣ строго повелительнаго тона, который такъ испугалъ Шлецера, такъ что *κελεύομεν* подлинника и *велимъ*—Игорева договора равносильны словамъ: *побуждаемъ, призываемъ, желаемъ* и т. под. Впрочемъ, такое значеніе *κελεύειν* прямо вытекаетъ и изъ его этимологическаго состава. По нашему мнѣнію, глаголы: *καλέω*, *κέλλω*, *κέλομαι* и *κελεύω* происходятъ отъ одного и того же корня *κλ* и слѣдовательно всѣ заключаютъ въ себѣ одно и то же коренное понятіе, которое мало по малу получило разные оттѣнки

¹⁾ Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 102. Или: «да же еси *велимъ* дѣяти: слия къ отцю», стр. 106. Равно въ Сл. о П. Игор. въ выраженіяхъ: «*велитъ* послушати» (Русск. Достоп. III, 38), «*велитъ* разумѣти» (Ibd. стр. 228).

²⁾ Basilic, VI, p. 160. Nov. 17. cap. 1.

³⁾ Ibid. 161. Nov. 17. cap. 4.

въ употребленіи ¹⁾. Общее же ихъ значеніе: *звать, побуждать, возбуждать*, такъ что если *καλεῖν* находилось въ подлинникѣ, то оно и не могло заключать въ себѣ понятія приказанія. Этимъ мы заключимъ наше разсмотрѣніе отдѣльных словъ и выраженій, находящихся въ самыхъ статьяхъ Игорева договора. Присоединимъ нѣсколько замѣчаній о Святославовомъ договорѣ въ томъ же отношеніи.

Нѣкоторыя слова и выраженія, встрѣчающіяся въ Святославовомъ договорѣ и заключающія въ себѣ признаки Византійскаго вліянія, разсмотрѣны нами въ связи съ первыми двумя договорами; здѣсь же обратимъ вниманіе только на немногія. Должно сознаться, что выраженіе: «хочю имѣти миръ и свершену любовь со всякомъ и великимъ царемъ Греческимъ» весьма трудно объяснить безъ предположенія описки переписчиковъ. Ни Шлёцеръ, ни Эверсъ, ни Погодинъ не представили положительнаго объясненія, а Карамзинъ, хотя безъ доказательствъ, такъ передаетъ его въ своемъ переводѣ: «хочу имѣть миръ и любовь совершенную съ Цимискіемъ, Великимъ Царемъ Греческимъ, съ Василиемъ и Константиномъ, боговдохновенными Царями» (I, 191). Понятно, что онъ предполагалъ описку: *со всякомъ* вм. *Цимискіемъ* (Цѣмьскіемъ). Не смотря на всю грубость описки, по смыслу мѣста, нельзя не признать перевода Карамзина весьма правдо-

¹⁾ Известно, что гласныя α и ε входятъ въ образованіе глаголовъ, напр. *τάνω* (*ταύω*), *τένω* (*τείνω*) и т. д., а потому всѣ вышеприведенные глаголы различаются между собою только тѣмъ, что три изъ нихъ приняли образовательную гласную ε, а одинъ — α. Что эти буквы не принадлежатъ къ корню, ясно доказываетъ ихъ опущеніе въ нѣкоторыхъ формахъ, напр. прош. *κέκληκα*, учащ. *κικλήσκω*, существ. *ἐκίκλησις* и пр., а относительно *κέλω*—форма аориста—*ἐκεκλόμην* (= *ἐκλόμην*). Что же касается до *καλεῖν*, то оно, очевидно, есть удлинненная форма отъ *κέλω*. Въ древнемъ Греческомъ языкѣ *καλεῖν* также имѣло указанныя нами значенія. (См. Krusius Vollständ. Wörterb. üb. d. Ged. d. Hom. u. d. Homeriden).

подобнымъ. Дѣйствительно, если въ заглавіи упомянуть только Цимискій, какъ верховный глава всего Государства, то и при поименованіи Царей въ торжественной клятвѣ первое мѣсто долженъ занимать Цимискій, а за нимъ должны слѣдовать малолѣтніе дѣти Романа. Извѣстно, что Цимискій былъ самовластнымъ Государемъ Имперіи, тогда какъ послѣдніе были Государями только по имени, безъ всякаго дѣйствительнаго значенія. Во всякомъ случаѣ присутствіе въ разсматриваемомъ мѣстѣ договора имени Цимискія необходимо, почему Карамзинъ и удержалъ его въ своемъ переводѣ. Такая описка полезна по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что прямо обнаруживаетъ безотчетную, механическую работу переписчика ¹⁾.

Подъ словомъ *языкъ* въ выраженіи: «ни собираю вои, ни языка, ни иного приведу на страну вашу» должно разумѣть чужеземный народъ—τὸ ἔθνος. Притомъ извѣстно, что въ немъ большею частію заключается понятіе язычества; въ старинныхъ, а равно и въ позднѣйшихъ переводахъ ἔθνη выражается словомъ *языци*, въ смыслѣ язычниковъ. Переводчикъ, имѣя передъ глазами τὸ ἔθνος, по общепринятому обычаю, перевелъ его словомъ *языкъ*, хотя оно въ подлинникѣ могло имѣть значеніе чужеземнаго народа вообще. Такъ понималъ это мѣсто и Карамзинъ: «не собирать моего войска и не приводить чужеземнаго

¹⁾ Нельзя-ли *всякомъ* принимать здѣсь за описку *высокимъ*? Извѣстно, что прилагат. *высокій* (ὀψηλός) входило въ титулъ Визант. Императоровъ и помѣщалось въ ихъ грамотахъ къ иноземнымъ Государямъ. Константинъ приводитъ заглавіе грамоты къ Эмиру Египетскому съ слѣд. титуломъ: «Κωνσταντῖνος καὶ Ῥωμανός, ἐν Χριστῷ εὐσεβεῖς ἀποχράτορες, μεγάλοι ὀψηλοὶ ἀγροστοὶ βασιλεῖς Ῥωμαίων...» (Сеген. II. 689). Впрочемъ, и при этомъ предположеніи имя Цимискія оказывается опущеннымъ. Вѣроятно, начало самаго договора Святославова имѣло слѣдующій видъ: «хочю имѣти миръ и свершену любовь съ *высокимъ* и великимъ царемъ Грецьскимъ (Цѣмьскіемъ) и съ Васильемъ и Костянтиномъ, съ богодохновенными цари».

на Грецію» (I, 191). Переводъ Карамзина и наше объясненіе еще болѣе будутъ имѣть вѣроятія, когда мы отрицаніе *ни* признаемъ за позднѣйшую вставку переписчика и будемъ читать: «ни языка иного приведу». Это чтеніе значительно оправдывается отсутствіемъ отрицанія во всѣхъ спискахъ, кромѣ Лаврентьевскаго; въ противномъ случаѣ, весьма трудно объяснить, что должно разумѣть подъ словомъ *иного*.

Нельзя также не указать на замѣчательное употребленіе слова *власть* въ слѣдующемъ за тѣмъ выраженіи: «и елико есть подъ властью Греческою, ни на власть Корсунскую». Здѣсь рѣзко обнаруживается двойственность значенія слова *власть*: происходя отъ *владѣти*, оно означаетъ и право на владѣніе — *власть* и предметъ владѣнія — *волость* (область). Должно полагать, что первое значеніе есть первоначальное. Это подтверждается съ одной стороны окончаніемъ *сть*, означающимъ по преимуществу отвлеченныя понятія, съ другой — приведеннымъ примѣромъ изъ Святославова договора, гдѣ *власть* въ значеніи *страны* именно сохраняетъ еще въ себѣ понятіе обладанія. Такой же переходъ значеній должно полагать и въ Лат. *regio* отъ *regere*, *potestas* и *possessio* (*possidere* = *potis sedere*); сюда же можно отнести и позднѣйшее Греч. *διοίκησις*, означающее: распоряженіе, управленіе, откуда въ послѣдствіи произошелъ *διοцезъ*, — область, находящаяся въ распоряженіи, управленіи ¹⁾.

¹⁾ Слово *клятва* въ выраженіи Святославова договора: «да имѣемъ клятву отъ Бога» имѣетъ дѣйствительное значеніе, т. е. означаетъ *проклятiе*, между тѣмъ какъ, напр., въ Игоровомъ договорѣ: «яко преступи свою клятву» (23) имѣетъ среднее, обыкновенное значеніе. Что касается до слова *колоти*, то едва-ли его можно объяснить иначе, какъ объяснялъ Карамзинъ (I, 193. Прим. 413). На такое чтеніе *золоти* вм. *колоти* намекалъ еще Шлецеръ, хотя и сказалъ, что «этого понятіи никакъ нельзя» (Несторъ III, 594) и, слѣдовательно, признавалъ

Вникая въ разсмотрѣніе Визант. вліянія на языкъ нашихъ договоровъ вообще, мы замѣчаемъ, что оно наиболѣе отразилось въ ихъ вступленіяхъ и заключеніяхъ и наименѣе въ самыхъ статьяхъ. Для объясненія столь замѣчательнаго явленія мы можемъ представить слѣдующія соображенія: 1) Языкъ статей, уже по самому характеру своему, заключаетъ въ себѣ болѣе простоты и краткости, чѣмъ общія мысли, высказываемыя въ началѣ и концѣ договоровъ. Дѣйствительно, въ первыхъ мы видимъ совокупность условій, выраженныхъ краткими періодами, состоящими почти всегда изъ двухъ или трехъ предложений. Если и всѣ статьи — буквальный переводъ съ Греч. подлинника, то весьма вѣроятно, что сами составители договоровъ употребляли всевозможныя усилія выразить просто и понятно условія, предлагаемыя народу необразованному. Точное исполненіе этихъ условій составляло прямой и существенный интересъ Грековъ, а точное исполненіе невозможно безъ правильнаго пониманія смысла, о чемъ, конечно, Греки и озаботились. Вотъ почему переводчикъ, имѣя дѣло съ краткими и простыми предложениями и, безъ сомнѣнія, самъ поставленный въ необходимость употребить все свое стараніе на переводъ самыхъ статей, передалъ ихъ тѣмъ чистымъ и яснымъ языкомъ, который невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе читателя. Здѣсь все содѣйствовало тому, чтобы каждая статья была выражена съ надлежащею точностію, потому что того требовалъ взаимный интересъ Руссовъ и Грековъ.

2) Равно и позднѣйшіе переписчики, ясно понимая по крайней мѣрѣ наибольшую часть статей, не могли вно-

слово *колоти* за описку. Если же чтеніе *колоти* есть единственно — вѣрное, то нельзя-ли нѣсколько объяснить его клятвою, находящуюся въ Игоровомъ договорѣ: «и да заколенъ будетъ своимъ оружіемъ», хотя въ Святославовомъ есть другое, соотвѣтствующее этому выраженіе: «и своимъ оружіемъ да иѣчени будемъ».

силь въ свои списки грубыхъ и безсмысленныхъ ошибокъ, искажающихъ самый смыслъ; они могли скорѣе *исправить* слишкомъ замѣтную ошибку переводчика, когда вполне понимали содержаніе статьи. Едва-ли можно безусловно отрицать такое исправленіе уже и потому, что оно въ духѣ всѣхъ старинныхъ переписчиковъ древнихъ памятниковъ, не только отечественныхъ, но и иноземныхъ, хотя мы въ то же время и согласны, что оно было весьма незначительно, потому что языкъ договоровъ сохранилъ вполне свой древній характеръ. Особенно нельзя не подумать объ исправленіи языка статей Игорева договора, отличающагося удивительною чистотою, сравнительно съ языкомъ Олегова. Совершенно обратное явленіе должно предположить при перепискѣ вступленія и заключенія. Еще переводчикъ, стѣсненный господствовавшимъ обычаемъ переводить буквально, внесъ въ эти части нѣсколько ошибокъ, до того исказившихъ нѣкоторые мѣста, что никакія усилія толкователей не могли открыть въ нихъ истиннаго смысла. Что же оставалось дѣлать съ такими мѣстами позднѣйшему переписчику?—Переписывать безсознательно, безотчетно, механически. А кому неизвѣстно, что съ такою перепискою неразлучны грубыя, невѣжественныя ошибки? И такъ въ этихъ мѣстахъ къ ошибкамъ переводчика неизбежно присоединились ошибки позднѣйшихъ переписчиковъ—и онѣ окончательно теряли свой смыслъ. Иногда въ старинныхъ переводахъ случается видѣть забавныя попытки переписчиковъ исправить по своему разумѣнію непонятныя мѣста подлинника, но эти попытки всегда бываютъ несравненно вреднѣе всѣхъ безсознательныхъ искаженій, потому что часто отнимаютъ у толкователей послѣднюю надежду на объясненіе смысла. Мы убѣждены, что рѣзкіе слѣды упомянутыхъ попытокъ переписчиковъ находятся и въ заглавіяхъ нашихъ договоровъ, какъ совершенно для нихъ непонятныхъ.

3) Третью причину того же явленія мы видимъ въ правительственной важности статей договоровъ. Какъ опре-

дѣленіе взаимныхъ отношеній между Русскими и Греками, они должны были постоянно обращать на себя вниманіе и въ послѣдующее время. Если бы даже Русскіе, по своей воинственности и неустановившейся еще гражданственности, и не захотѣли стѣснять себя этими условіями, то Греки не замедлили бы тотчасъ напомнить имъ о взаимной клятвѣ, скрѣпившей договоры и указать на содержаніе послѣднихъ, при чемъ, конечно, немедленно устранялись всѣ недоразумѣнія, сомнѣнія и темнота выраженія. Отсюда видно, что, по причинѣ своей правительственной важности, статьи договоровъ, не только при самомъ составленіи выражены были яснѣе и понятнѣе остальныхъ частей, но и при малѣйшемъ недоразумѣніи были уясняемы во все то время, въ продолженіи котораго имѣли обязательную силу для Русскихъ и Грековъ. При этомъ, конечно, никто не обращалъ вниманія на общія мысли вступленія и заключенія, въ которыя, какъ въ рамку, вставлены статьи, отъ чего первыя остались съ первоначальною темнотою и запутанностію. Лучшимъ доказательствомъ справедливости нашего мнѣнія служатъ переводы съ Греческаго языка различныхъ, дѣйствовавшихъ у насъ въ древнее время законовъ, совокупность которыхъ извѣстна подъ названіемъ Кормчей Книги. При чтеніи этихъ переводовъ и при сравненіи ихъ съ другими, не имѣвшими практической цѣли, нельзя не удивляться ихъ относительно-большей простотѣ, ясности и точности выраженія. Понятно, что эти достоинства—плодъ ихъ общепотребительности, ихъ практическаго значенія. Дѣйствующіе законы, постоянно прилагаемые къ обстоятельствамъ современной жизни, не могутъ быть выражены темно и непонятно, потому что одно изъ первыхъ достоинствъ законовъ—опредѣленность и точность выраженія, устраняющія всякое недоразумѣніе. Правда, и въ переводахъ Кормчей замѣтны слѣды ихъ Византійскаго происхожденія, но это должно приписать частію вреднымъ послѣдствіямъ буквальнаго перевода, частію неясному пониманію мысли подлинника, по недостаточному знанію

языка послѣдняго, частію искаженіямъ позднѣйшихъ переписчиковъ, частію, наконецъ, слабому еще развитію юридическихъ понятій и образованности вообще. Тѣмъ не менѣе сравненіе ихъ съ подлинниками приводитъ къ тому общему заключенію, что переводчики, а можетъ быть и наши законники, пользовались значительною свободою, позволяя себѣ отступленія не только въ пользу ясности мысли, но и въ пользу туземныхъ понятій, часто отличныхъ отъ непримѣнимыхъ къ нашей жизни Греческихъ понятій ¹⁾).

4) Наконецъ, могло быть и то, что нѣкоторыя условія, прямо высказанныя Русскими, безъ перевода, непосредственно вошли и въ Русскій списокъ договорной грамоты, между тѣмъ какъ другія статьи, выставленныя Греками, были переведены съ Греческаго языка. Этимъ обстоятельствомъ удовлетворительно объясняется то явленіе, что нѣкоторыя статьи неоспоримо оказываются переводными, тогда какъ другія выражены безукоризненно — чистымъ и правильнымъ языкомъ.

ОПЕЧАТКИ.

Стрц.	Стрк.	Напечатано:	Должно читать:
40	1	на Греческомъ языкѣ, но обращаюсь...	на Греческомъ языкѣ. Не приводя въ подтвержденіе тому господства періодической рѣчи на современномъ договорамъ Греческомъ языкѣ, но обращаюсь...
76	3-4	ἀνεπιφνητός	ἀνεπιφωητός
81	2	ἐπὶ	ἐπεὶ

+00+

¹⁾ Приведемъ здѣсь нѣсколько подобныхъ отступленій: «отлучити на масло и на всякъ поспѣтъ церковный и на священную службу». Отмѣченныхъ словъ въ подлинникѣ нѣтъ, тогда какъ все остальное переведено буквально. Обозрѣи. Корм. Кн. Прилож. стр. 53. «Ни во единой же заповѣди повелѣно бысть быти причетнику не грамотну, *рекше не умлющу, ни разумлющу добръ грамотъ*», что въ подлинникѣ выражено такъ: «ἐν οὐδεμίᾳ δὲ τάξει κληρικὸν εἶναι ἀγράμματον» *ibid.* стр. 27. «Καὶ εἰ μὲν ἑκάτερον μέρος τοῖς κληρικένοις ἐφησυχάσει — и аще убо соперника премолкнета» *ibid.* стр. 71 и проч.

~~ЦЕНТРАЛНА НАУЧОВА
БИБЛИОТЕКА
7847~~

0

ЦЕНТРАЛНА НАУЧОВА
БЛ.
Лев. 23655

